

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. В. ЗАХАРОВА

БЫЛИНЫ

ПОЭТИКА СЮЖЕТА

*Учебное пособие
для студентов филологических специальностей*

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1997

ББК 82. 3. (2=РУС) – 611.1
З 382

Учебное пособие посвящено анализу сюжета былин в аспекте исторической поэтики. Особое внимание уделяется проблеме сохранения и развития традиции на материале эпической школы Рябининых–Андреевых. В пособии дается классификация ряда былинных сюжетов по мотивам.

Предназначено для студентов–филологов и всех интересующихся русским фольклором.

*Печатается по решению
редакционно–издательского совета
Петрозаводского государственного университета*

Рецензенты:
доктор филологических наук
Н. А. Криничная;
доктор филологических наук, профессор
Е. М. Неёлов

*Работа выполнена при поддержке
Mrs. Giles Whiting Foundation
и напечатана при участии
Российского гуманитарного научного фонда*

З $\frac{4604000000}{Д26(03)-97}$ 154–95
ISBN 5–230–0907–8

© О. В. Захарова, 1997
© Издательство Петрозаводского
университета, 1997

Введение

В истории фольклористики есть жанры, которые всегда привлекали и будут привлекать внимание исследователей. К ним принадлежит былина.

Былины — русские эпические песни о богатырях. Они могут быть героического или социально-бытового содержания.

Термин "былина" исследовательский. Ученые начала XIX века не знали этого термина. Говоря о былинах, К. Ф. Калайдович, С. Н. Глинка, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков использовали выражение "древние российския стихотворения" или "эпические/богатырские песни". Сказители называли этот жанр старинами, старинушками, старинками. На этот счет есть свидетельства у П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и Е. В. Барсова¹.

Считается, что термин "былина" был введен в 1839 г. И. П. Сахаровым. Один из разделов книги "Сказания русского народа" он назвал — "Былины русских людей"² и поместил в нем 7 текстов былин: "Добрыня Никитич", "Илья Муромец", "Василий Буслаев", "Алеша Попович", "Соловей Будимиро-

¹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 47–83; Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 29–84; Барсов Е. В. Об Олонецком песнотворчестве // Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1873. Т. III. С. 515–522.

² Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1839. Т. 1. Кн. 4.

вич", "Иван Гостиной сын", "Чурила Пленкович". В. Ф. Миллер объясняет такое употребление термина "былина" неправильным пониманием И. П. Сахаровым строки из "Слова о полку Игореве" — "по былинам сего времени". Он пишет: "В слове о полку Игореве былина является в значении исторического события, деяния, в противоположность «старым slovesam», поэтическим вымыслам «замышления Боянова»"³. Ему возражал О. Ф. Миллер, ссылаясь на диссертацию Л. Н. Майкова "О былинах Владимиров цикла": "на древность слова «былина» обратил уже внимание г. Майков. На основании известного приступа певца Игоревы «начати же ся тый пѣсни по *былинамъ* сего времени, а не по замышленію бояню», он совершенно основательно предполагает, что «былины, как особый род эпоса, существовали в нашей народной поэзии уже в XII в.» и что «содержание их заимствовалось из показаний современности». Другой вопрос — насколько слово *былина* употребительно и теперь в народе — даже в тех местностях, где былины поются. По свидетельству г. Барсова, сами олонечские певцы былин обыкновенно называют их *старинами* — выражение, в своем роде меткое и даже с оттенком сродным (*старое* ведь и есть *былое*). Кроме же того народ вообще называет этот род произведений и просто *песнями*, многозначительно противопоставляя их сказкам, в следующем изречении, давно уже истолкованном К. С. Аксаковым: «песня *быль*, а сказка *складка*». Но ведь таким образом в народном толковании слова *песня* заключается тоже указание на *былевую*, действительную основу, тогда как «складка» очевидно соответствует тут «замышлению боянову». И так, в народе и до сих пор хранится тот же разграничительный взгляд XII сто-

³ Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1. С. 28.

летия"⁴. Комментируя народное понимание песни как рассказа "про старое, про бывалое", выразившееся в названии "старина", С. К. Шамбинаго писал, что оно вернее передает ее сущность, нежели книжный термин "былина", утвердившийся в науке⁵.

Точка зрения В. Ф. Миллера стала настолько общепринятой, что вошла в авторитетные лексикографические издания: "былина «эпическая народная песня»; на основании др.-русск. *былина* ("Слово о полку Игореве") придумано Сахаровым; см. Вс. Миллер, Очерки 1, 27 и сл. О старом употреблении слова см. русск. диал. *былина́* «быль, то, что было» (арханг.); см. Архангельский, ИОРЯС 3, 1331 и сл. Далее — к *был*, *быть*. Вместо *былина* в народе говорят *пёсня*, *ста́рина*"⁶. Однако сам И. П. Сахаров в предисловии к разделу "Былины русских людей" пишет: "Для издания Русских Былин был принят за основание текст, помещенный в рукописи, принадлежавшей Тульскому купцу Бельскому. Вариантами служили: 1. Русские Былины, собранные почтеннейшим В. И. Далем из устных преданий жителей Казанских и Оренбургской губернии по Уралу 2. Сборник Демидова, изданный прежде А. Ф. Якубовичем, а потом К. Ф. Калайдовичем, под ложным именем Кирши Данилова. При печатании, Былины Русских людей были мною разделены на семь отдельных песен так, как они были помещены в рукописи Бельского"⁷. Примечательно, что книгу В. И. Даля И. П. Сахаров ставит ря-

⁴ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869. С. XXI–XXII.

⁵ Шамбинаго С. К. Вступ. ст. // Былины-старины. М., 1938. С. V.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 258–259.

⁷ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 4.

дом со сборником Кирши Данилова и ссылается на заглавие этого труда как на источник заимствования слова *былина* ("Русские Былины, собранные почтеннейшим В. И. Далем из устных преданий жителей Казанских и Оренбургской губернии по Уралу"). Таким образом, из контекста высказывания становится ясно, что употребление слова *былина* по отношению к русским эпическим песням следует, в первую очередь, связывать с В. И. Далем, а потом уже с И. П. Сахаровым, который представлял в "Сказаниях русского народа" концепцию жанра В. И. Даля.

Сейчас трудно однозначно сказать, существовало ли слово *былина* как название жанра в эпической традиции или его придумал В. И. Даль: в современном русском языке это слово вытеснило более распространенное название эпических богатырских песен. Но столь же очевидно, что старина — позднее понимание жанра, который в первое время бытования мог вполне называться и иначе: возможно, *былина́* или *бы́лина*.

Слово *былина*, хотя и достаточно редкое, было в древнерусском языке. Оно присутствует в зачинах "Слова о полку Игореве" и "Задонщины" и имеет жанровое значение. К XIX веку и "Слово о полку Игореве" и "Задонщина" были уже утраченными литературными жанрами, и вполне понятно желание исследователей найти неведомый в современной литературе жанр. В любом случае В. И. Даль знал эти значения слов. В своем Словаре он дает такое толкование слова *былина*: **"Быва́лка, быва́льщина, бы́лица, бы́лина, быть ж. что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина́; иногда вымысел, но быточный, несказочный"**⁸. Очевидно,

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 148.

что толкование В. И. Далем слова *былина* адекватно тому значению, которое С. К. Шамбинаго приписывает "старине". Более того, у В. И. Даля "былина" и "старина" — синонимы.

Впрочем, еще ранее (цензурное разрешение 4 сентября 1835 г., цензор А. В. Никитенко) В. И. Даль опубликовал замечательное произведение "Илья Муромец. Сказка Руси богатырской". Ему сопутствует эпиграф из сборника Кирши Данилова: "Благословите, братцы, про старину сказать..."⁹ В. И. Даль создал оригинальное по жанру произведение: пересказана эпическая песня, повествование представляет собой сочетание прозаического сказа и стихотворных фрагментов эпических песен. В целом же "Илья Муромец" В. И. Даля ориентирован не столько на сказку или старину, сколько на "Слово о полку Игореве" и "Задонщину". В. И. Даль следует этой литературной традиции, о чем можно судить уже по зачину "богатырской сказки": "Не под десницею богов безответных, захожан спесивых из стран привольных, полуденных; не вдохновением стародавних иноверческого неба обитателей, которых я не зывал, а ты, быть может, не докликался, хочу слагать, как подчас водилося, повести про житье бытѣ неправославное, русским говором, да не русскую речь вести! — Нет, не стану..."¹⁰ и т. д. Ср.: "Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!"¹¹ Аналогично в "Задонщине":

⁹ Повести, сказки и рассказы казака Луганского // Даль В. И. Собр. соч. СПб., 1846. Т. 1. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 372.

"...лудчи бо нам, брате, <...> Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам"¹².

В. И. Даль *угадал* этот жанр, связав русские эпические песни с известным, но загадочным и, казалось, утраченным к тому времени жанром древней русской литературы. Ему внимал И. П. Сахаров, поместив вслед за "Былинами русских людей" такие произведения, как "Слово о полку Игореве", "Сказание о нашествии Батыя на Русскую Землю", "Слово Дании Заточника" (так в тексте! — О. З.), "Сказание о Мамаевом побоище". Очевидно, что русские эпические песни не случайно были названы в XIX веке былинами и это слово имеет важный и глубокий исторический смысл.

Одним из первых определение былины через отношение к сказке предпринял К. С. Аксаков в работе "О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи"¹³. Он впервые указал на различие сказки и былины по форме: сказка — сказывается, а былина — поется. К. С. Аксаков отмечал, что "предмет песни или религиозный (стихи), или народный: народные события, историческая и бытовая жизнь; или частный: событие и чувство личное. Все это — быль. Певца и сочинителя в песне не слышно"¹⁴. По мнению К. С. Аксакова, своеобразие былины состоит в том, что хотя в песнях "нельзя не признать чародейственного элемента, но он всегда на враждебной стороне, противен Русскому духу, и богатыри Русские не только не почерпают в нем сил,

¹² Задонщина // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 96, 98.

¹³ Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 399–408.

¹⁴ Там же. С. 400.

но постоянно ведут с ним бой, прибегая с молитвою к одному Богу..."¹⁵

Л. Н. Майков, соглашаясь с К. С. Аксаковым, видит в былине стремление сглаживать чудесное¹⁶. Он считает, что чудесные предметы в былине дополняют содержание и их назначение — придать более идеальный характер богатырям, а в сказке они являются главной завязкой в сюжете¹⁷.

По наблюдению О. Миллера, былина и сказка вышли из одной основы, но они имеют ряд различий¹⁸. Существенным свойством былин он называет их историческое приурочение¹⁹. О. Миллер пишет, что мифологический смысл в былине подвергся изменениям, но не забвению, как в сказке²⁰.

Вопрос о соотношении былины и других фольклорных жанров продолжает интересовать и исследователей XX века.

В. Я. Пропп, говоря о сказках с былинными сюжетами, считает, что они не могут быть отнесены к области эпоса, так как у них нет ряда жанровых признаков, а именно музыкальности исполнения и былинной формы стиха²¹. По мнению В. Я. Проппа, "сказка обычно превращает героический подвиг в забавное приключение"²².

Обсуждая вопрос о соотношении былины и исторической песни, В. Я. Пропп пишет: "Былина весьма близка к исторической песне, но тем не менее меж-

¹⁵ Там же. С. 401–402.

¹⁶ *Майков Л. Н.* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ *Миллер О.* Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1. С. 197.

¹⁹ Там же. С. 199.

²⁰ Там же. С. 198.

²¹ *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 10.

²² Там же.

ду ними имеется глубокая и принципиальная разница <...> Былина и историческая песня выражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах. Эпос рисует идеальную действительность и идеальных героев. В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы, и это обобщение — один из самых существенных признаков эпоса. Эпосу всегда присуща некоторая величавость, монументальность, которая в лучших образцах народного искусства сочетается с простотой и естественностью. Героические песни обычно основаны на художественном вымысле, в котором только исследователь может обнаружить их историческую почву. В исторических песнях сюжет, фабула черпаются непосредственно из действительности. События, переданные в исторической песне, не вымышлены (песни о взятии Казани и многие другие), фантастически обработаны лишь детали. Историческая песня — продукт более поздней эпохи и иных форм осознания действительности, чем былина"²³.

Почти все исследователи былин сходятся во мнении, что исторические корни былины лежат в мифе. Ф. И. Буслаев, определяя периоды развития русского эпоса, так объяснял превращение мифа в эпос: "Мифы природы слишком громадны в своих размерах. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая местные формы исторического быта и окрашиваясь в местный, бытовой колорит"²⁴.

Подробное определение былины дал в свое время И. Лось. Он выделил такие жанровые признаки бы-

²³ Там же. С. 9–10.

²⁴ Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 252.

лины: "Былины являются эпическими песнями о русских богатырях; именно здесь мы находим воспроизведение общих, типических их свойств и историю их жизни, их подвиги и стремления, чувства и мысли. Каждая из этих песен говорит, главным образом, об одном эпизоде жизни одного богатыря и таким образом получается ряд песен отрывочного характера, группирующихся около главных представителей русского богатырства <...> Все былины, кроме единства описываемого предмета, характеризуются еще единством изложения: они проникнуты элементом чудесного, чувством свободы и (по мнению Ореста Миллера) духом общины"²⁵. Внешнее же единство былины прежде всего И. Лось видел в стихе, слоге и языке²⁶.

В свою очередь, В. Я. Пропп выделил следующие признаки жанра:

— "наиболее важным, решающим признаком эпоса является *героический характер его содержания*"²⁷;

— "он складывается из песен, которые предназначены не для чтения, а для музыкального исполнения"²⁸;

— "*весь стихотворный фольклор всегда поется*", стихотворная форма эпических песен тесно связана с напевом²⁹.

К этим признакам можно добавить то, что содержание эпоса имеет установку на достоверность, реальность. Сказитель всегда верит, что события, о которых поется в былине, действительно имели место, и трактует их как историческое прошлое государства.

²⁵ Лось И. Былны // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 5. С. 142–143.

²⁶ Там же. С. 143.

²⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 5.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

Былина — эпическая песня преимущественно о богатырях. В научной литературе существуют две точки зрения на происхождение этого слова. Наиболее распространено мнение, согласно которому слово *богатырь* является заимствованием из тюркских языков. Критикуя эту этимологию, О. Миллер пишет: "Уже г. Майков обратил внимание на то, что они (богатыри. — О. З.) упоминаются и в летописи, как участники древнейших событий, не идущих далее XIII в. Между тем уже не со вчерашнего дня стали у нас доказывать, что слово богатырь — не русское, а татарское. Вот что значит относительно этого уже в Плюшаровском Энциклопедическом Словаре: «Богатырь — слово языков монгольских, в которых оно произносится *багадур*, *батур*, *батор*, *бегадар*, распространенное ныне по всему востоку, значит *герой*. Титул богатырей получали у Монголов и Турок удалые воины, которые трижды вторгались первые и поодиночке в неприятельские ряды, и убивали по крайней мере одного человека... Получивший титул богатыря присоединял его к своему имени, как у нас титулы граф или князь. Многие государи носили его». Такого же взгляда на происхождение слова *богатырь* держится, по-видимому, даже В. И. Даль, в словаре которого после этого слова значит — *татр.*, т. е. татарское"³⁰. Действительно, В. И. Даль так объясняет значение этого слова: "Богатырь м. татр. человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач; смелый и удачливый, храбрый и счастливый воин, витязь. Сказочные богатыри, великаны, побивающие одним махом десятки врагов и разные чудища"³¹.

³⁰ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское. С. XXIII–XXIV.

³¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. С. 102.

Придерживается тюркской этимологии и М. Халанский, который полагает, что до татар вместо слова *богатырь* употреблялись: *кмет, витязь, муж, воин, храбрый*; а в позднейших памятниках стали употребляться такие синонимы, как *удалец, резвец*³². Он считает, что "*в древней Руси мысль о герое имела одну твердо установленную форму*" — форму храбор, с которой связывалось такое же представление, что и со словом *богатырь*³³. М. Халанский пишет: "Храбры — были служилые люди, отличавшиеся своею силою и удалю. В представлении о них не было ничего сверхъестественного, сказочного: их образ <...> вполне реален. Для выражения понятия *гиганта* существовало в старинном русском языке особое слово, уцелевшее и до сих пор в былинах"³⁴. По его мнению, "соблюдение строгого и систематического различия в употреблении двух синонимов — своего — храбор для своих героев, чужого — богатырь — для чужих — не могло долго удерживаться в песнях и обыденной речи"³⁵. Поэтому последовало сначала безразличное употребление обоих слов, а затем — замена одного слова другим.

Тюркская этимология слова *богатырь* достаточно авторитетна. Например, В. Миллер в "Лекциях по русской народной словесности" отмечает, что "восточное, монгольско-тюркское происхождение этого имени вполне доказано: по мнению ориенталистов, монгольское слово багатур, означающее храбреца, молодца, перешло в тюркско-джагатайское багадур и далеко распространилось на западе среди русского

³² Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла // Русский филологический вестник. 1884. № 3. С. 150.

³³ Там же. С. 150–151.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же.

и инородческого населения"³⁶. Эта точка зрения подробно аргументирована в Этимологическом словаре Фасмера: "Заимств. из др.-тюрк. **baɣatur* (откуда и венг. *bátor* «смелый»), дунайско-булг. *βαγατοур*, тур., чагат. *batur* «смелый, военачальник», шор. *paɣattur* «герой», монг. *bagatur*, калм. *bātɣ*; см. Гомбоц 41; Рамстедт, KWb. 38; Бернекер 1, 66; Маркварт, Chronol. 40; Банг, KSz 18, 119; Mi. TEL. 1, 254, Доп. 1, 9; 2, 80. Объяснение вост. слов из ир. **baɣariθra*— (Локоч 15) весьма сомнительно"³⁷.

Между тем уже в процессе аргументации тюркской этимологии появились веские возражения. Так, Ф. Буслаев в статье "Русский богатырский эпос" указывает на то, что "хотя современники князя Владимира слышат *богатырями*, но, без сомнения, это название перенесено на них от лиц древнейших, титанических; потому что *богатырь* происходит от слова *бог* через прилагательное *богат*, и собственно значит существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, как герой, произошедший от *бога*"³⁸. Вывод Ф. Буслаева категоричен: "И так *богатырь* есть не что иное, как собственно русское название тех же существ, которые в сербском эпосе слышат под общим индоевропейским именем *дивов*"³⁹. В доказательство этого он приводит следующие данные, что как "латинское *dives* (богатый) происходит от *deus* (бог), *divus* (божественный, от корня *div* — светать, откуда и наши *див* — богатыри): так и наше

³⁶ Миллер В. Лекции по русской народной словесности. М., 1909. С. 280.

³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. С. 183.

³⁸ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский Вестник. 1862. № 9. С. 80.

³⁹ Там же.

богат первоначально имеет смысл мифический, равно как и *сбожие* (тоже от слова *бог*) в смысле жита и хлеба, а потом имения вообще, богатства"⁴⁰. Соглашаясь с Ф. Буслаевым, О. Миллер пишет: "...богатырь — богато одаренный, силами обильный, т. е. слово это от одного корня с *богатство*, а также и с *бог*, *божественный*; богатыри — это, стало быть, люди, одаренные богатством, божественным изобилием сил"⁴¹.

Из приведенных суждений ученых очевидно, что *богатырь* — общеславянское слово, которое представлено в самых разных славянских языках и что в русском языке оно появилось еще до нашествия монголо-татар (слово *богатырь* отмечено в Ипатьевской и Никоновской летописях). Но самым убедительным аргументом, опровергающим тюркскую этимологию, является очевидное славянское словообразование, которое объясняет происхождение слова *богатырь* от слова *бог* через наращение суффиксов — *-ат-* + *-ырь-*.

Одна из первых работ, посвященных анализу героев былин, — книга К. С. Аксакова "Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням" (1865)⁴². В ней К. С. Аксаков дает глубокую и проникновенную характеристику поэтических возможностей жанра. По его мнению, не случайно историческая эпоха князя Владимира запечатлелась в народных эпических песнях. Он сопоставляет эпическую

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. Вып. 1. С. 220.

⁴² Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 89–138.

песню с древними летописями и обыденной речью. И сам К. С. Аксаков дает вдохновенные поэтические характеристики эпического мира, например:

"...и вот, властью народного долговечного слова, перед нами возникают во всей своей жизни: Киев, пиры бесконечные и могучие витязи, собравшиеся вокруг великого князя Владимира.

Много их сидит на богатырской скамье; не по аристократическому праву породы занимают они это почетное место. Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. На богатырской скамье сидит и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин. Всем им равный почет. Двор князя Владимира всегда открыт: на дворе его княженецком врыты дубовые столбы, в столбы ввернуты булатные кольца. Приезжает богатырь, привязывает ретивого коня к булатному кольцу, потом идет в светлую гридню, молится Спасову образу, кланяется князю со княгиней и на все четыре стороны. — Этот последний, общественный, всем равный, поклон, невольно рисуящий множество народное, удержался и доньше. Великий князь спрашивает богатыря о роде и племени, велит поднести или сам подносит турий рог меду сладкого. Богатырь выпивает, садится на богатырскую скамью и пирует. Среди пирования, в тот час, как будет день в половину дня, будет пир в полупире, Владимир-князь распотешился, ходит по своей гридне, расчесывает черные кудри и предлагает подвиги богатырям. Один из них вызывается, выпивает подносимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучие плечи расходились.

Богатырь едет в дальний путь, на трудный по-
двиг и прославляет вновь свою богатырскую силу.

Вот общий очерк событий, конечно, различных
между собою, нашей народной эпопеи, но содер-
жание ее, как мы сказали, лежит не в событии, а в
жизни самой"⁴³.

К. С. Аксаков рассматривает эпический мир рус-
ских песен как православный образ Святой Руси:
"Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляют внеш-
ний строй этой жизни, в которой слышится воля и
приволье. Но весь этот шумный мир, еще много
хранящий в себе следов недавнего язычества, про-
никнут уже, как сказали мы выше, лучами Хрис-
товой веры. Таким образом, первое и главное, что
выдается из этого мира Владимировых песен, — это
христианская вера; она постоянно и всюду основа
жизни; особенно слышится это в песне о Калине-
царе, особенно видится даже и в сказочном образе
Ильи Муромца, причтенного в действительной жизни
нашей церковью к лику святых. Все богатыри —
православные, и постоянно повторяется богатырское
присловие, когда приезжает православный витязь к
неправославному государю"⁴⁴.

Этот аспект содержания былин не представлен в
советских исследованиях. В XX веке до последнего
времени предпочитали писать о языческих корнях
эпических представлений, о двоеверии русского на-
рода. Это справедливо, но в народном сознании язы-
ческая вера естественно входила в иерархию христия-
нских ценностей: язычество не противоречило
христианству, более того объясняло своеобразие на-
родного понимания православия. В одной из недав-
них статей вводится даже понятие "эпическое право-

⁴³ Там же. С. 94.

⁴⁴ Там же. С. 95.

славие", которое авторы определяют следующим образом: "Под «эпическим православием» понимаем комплекс христианских представлений, связанный с эпическим конфликтом, т. е. с героическим противостоянием «своего» и «чужого» миров. Этот духовный феномен, возникший в результате христианизации национального эпического сознания, нашел отражение в былинной традиции, исторических преданиях, культуре казачества (в особенности, ранних его форм — Запорожского и Донского), в менталитете русских солдат и крестьянства в целом. В этом отношении богатырский эпос является особо значимым материалом ввиду его высокого ценностного статуса в контексте национальной духовности: в былинах воплощен идеал русского патриотизма, сохранена память о «золотом веке» этнической истории. <...> Очевидно, что взаимодействие архаических эпических закономерностей с христианскими представлениями дает самый ранний (с точки зрения культурной истории, а не хронологически) тип эпического православия"⁴⁵.

В книге "Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням" К. С. Аксаков дает превосходные поэтические характеристики князя Владимира, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Дуная, Чурилы Пленковича, Ильи Муромца и т. д. Так, например, он описывает князя Владимира:

"Владимир в песнях не одарен богатырской силой, не имеет даже храбрости, часто смущается и пугается перед бедою; в особенности страшен ему, грозен посол из Орды, — одним словом, образ его в песнях вовсе не величав. Но зато образ этот вполне добродушен, но зато привет и ласка — его

⁴⁵ Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н. Эпическое православие и русская культура: материалы и постановка проблемы // Русская литература. 1993. № 1. С. 3–4.

неотъемлемые качества. Добрая душа греет людей, и страшно-могучие богатыри Владимира, от подвигов которых он иногда не знает сам куда деваться, любят его, служат ему охотно и зовут «красное солнышко, ласковый Владимир-князь!» Постоянно радушный и ласковый хозяин, Владимир является в песнях почти всегда на веселом пиру со своими гостями"⁴⁶.

Это одна из лучших характеристик былинного персонажа.

Иную характеристику образа князя Владимира дал В. Миллер:

"Рядом с чертами симпатичными — ласковостью, щедростью, радушием, гостеприимством — оказались у эпического Владимира такие отрицательные черты, в которых совершенно неповинен исторический Владимир и которые вообще не имеют национально-исторической подкладки. Он вечно празднен, труслив при угрожающей беде, неблагодарен лицам, оказавшим ему услуги, беспричинно гневлив и несправедлив, верит наговорам на народного богатыря, склонен унижаться и льстить, когда попал в беду, охочь до чужих жен и, вместе с тем, прощает своей жене ее неверность"⁴⁷.

Он считает, что русские сказители, чтобы оттенить "высокие нравственные черты своего идеального богатыря <...> перенесли отрицательные черты восточного властителя на своего былевого князя и, таким образом, по недомыслию, допустили историческую несправедливость относительно князя Владимира"⁴⁸.

⁴⁶ Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира... С. 97.

⁴⁷ Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. М., 1892. Т. 1. С. 25.

⁴⁸ Там же.

Некоторая неточность в суждении В. Миллера состоит в том, что он слишком буквально, так сказать, по-бытовому понимает причину такого изображения князя Владимира. Русские сказители делали это не "по недомыслию", а из-за того, что это один из принципов изображения героя в былине — принцип композиционного противопоставления богатыря и князя. В. Миллер полагает, что "значительную гарантию в точности традиции следует видеть в постоянстве и прочности сюжетов и былевых типов"⁴⁹. Он доказывает, что "нравственный облик богатыря весьма типичен: Илья всегда будет идеалом мужества и спокойной уверенности в силе, всегда будет с чувством достоинства относиться к князю Владимиру и с покровительственной лаской к юным богатырям; Добрыня Никитич всегда отличается вежеством, Чурило — франтством и женолюбием и т. д."⁵⁰

Первые исследователи русского эпоса определяли жанровые особенности былин, анализировали их содержание, используя разные методологические подходы (мифологический, сравнительный и исторический). В XX веке появилась необходимость изучения былины как поэтического художественного целого.

А. П. Скафтымов, говоря об архитектурном соотношении внутреннего состава былин, приходит к выводу, что "в центре творческого напряжения былин о богатырских подвигах находится герой-богатырь, а в нем его ратная доблесть и сила"⁵¹.

Ю. И. Юдин в книге "Героические былины" выделяет композиционные типы и соответствующие им типы героя. Он отмечает, что герой побеждает "не

⁴⁹ Миллер В. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. III. С. 11.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М., Саратов, 1924. С. 95.

только своей богатырской мощью, но благодаря помощи каких-то неведомых сил, волей которых на месте боя оказывается чудесная «шапка земли греческой» (Добрыня-Змееборец), с помощью хитрости (Алеша Попович и Тугарин), с помощью заговоренной стрелы (Илья Муромец и Соловей-разбойник)"⁵². Ю. И. Юдин указывает, что богатырь в былинах композиционного типа отражения вражеского нашествия предстает "не только как идеальный канонический тип, но и как эпический характер. Он обнаруживается в особом былинном психологизме. В свою очередь психологическая конкретизация образа требует более обстоятельного и полного включения в содержание художественно преображенных и направленно отобранных элементов историко-бытовой обстановки происходящих событий"⁵³. По мнению Ю. И. Юдина, в песнях на тему борьбы с внешними врагами, засевшими в Киеве, появляется новый способ изображения героев, который заключается в том, что "...главные действующие лица в центральных эпизодах песен находятся во власти целого сонма отрицательных чувств и переживаний: отвращения, насмешки, презрения, гнева, ярости и т. п. Эти чувства изображаются страстными, всепоглощающими; под влиянием их богатыри и их враги действуют энергично и самозабвенно. Во всем этом начинает вырисовываться своеобразный эпический характер, в котором место разнообразных душевных движений и свойств занимает страсть, вытесняющая из внутреннего мира героя возможности каких бы то ни было иных проявлений характера"⁵⁴.

Ключевой работой, в которой выделяются основные принципы изображения героев в былинах,

⁵² Юдин Ю. И. Героические былины. М., 1975. С. 37.

⁵³ Там же. С. 66-67.

⁵⁴ Там же. С. 78-79.

является книга Б. Н. Путилова "Героический эпос и действительность". Он пишет: "...любой эпический герой соединяет в себе черты индивидуальные, только/преимущественно ему присущие (имя, мотивы биографии, особенности личности, «свои» поступки), и качества типологического плана, позволяющие включить его в известный ряд и рассмотреть как определенное родовое явление эпического творчества. И то и другое одинаково важно и взаимосвязано: индивидуальное начало в значительной мере представляет собою конкретную художественную реализацию общего, типологического, заложенного в родовой природе типа; с другой стороны, оно может заключать и некоторые нарушения типологических норм и тем самым знаменовать движение, формирование нового типологического качества"⁵⁵. В основе богатырской силы Б. Н. Путилов видит "единство трех величин: возможностей самого богатыря, особых качеств его коня и чудесных свойств его оружия" (68). Он обращает внимание на то, что "собственная сила эпического героя категория достаточно сложная, составляющие ее далеко не всегда лежат на поверхности, нередко они уведены в подтекст, «зашифрованы», даны намеком" (71). В своей книге он особо выделяет категорию эпической истории, согласно которой "богатыри ликвидируют татарское нашествие, сберегают Киев, уничтожают и изгоняют захватчиков и тем самым предупреждают установление ига на Русской земле. В былинах идея упреждающих подвигов богатырей оказывается преобладающей и, в сущности, решающей для эпической истории" (90–91). Б. Н. Путилов считает, что "богатырь восстанавливает справедливость, по-

⁵⁵ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 67. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

ражая зло, которое, казалось, восторжествовало" (90). Другая важная категория в анализе образа богатыря, предложенная исследователем, это "эпический этикет" (111), под которым он понимает нравственный и поведенческий кодекс. Он предполагает, что "следование кодексу реализуется в условно-типовых ситуациях и получает формульное выражение. При этом для ряда ситуаций существуют варианты поведения" (105). Одним из принципов поведения богатыря, согласно Б. Н. Путилову, является склонность "действовать неизменно вопреки предупреждениям, запретам, предостережениям, которые, как правило, имеют провиденциальный характер, получая форму зловещих сновидений, слов вещей птицы, надписей на камне и т. д." (106). Он полагает, что "в нравственный кодекс героя входят беспощадное отношение к врагу и непримиримость к предательству, вероломству; мы имеем дело с четким разграничением моральных критериев по принципу «свои»–«чужие» (в составе этих последних оказываются и те, кто изменил «своему»). «Чужой» мир противопоставлен «своему» в нравственном плане, и борьба с ним, необходимость его уничтожения обосновывается в эпосе не только политически, но и морально" (112).

Эпическому герою соответствует эпический мир. М. М. Бахтин дал следующее определение эпического мира: "Мир эпоса — национальное героическое прошлое, мир «начал» и «вершин» национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир «первых» и «лучших». Дело не в том, что это прошлое является содержанием эпоса. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его прошлому — конститутивная формальная черта эпоса как жанра. Эпоса никогда не была поэмой о настоящем, о своем времени (став только для потомков поэмой

о прошлом). Эпопея как известный нам определенный жанр с самого начала была поэмой о прошлом, а имманентная эпопее и конститутивная для нее авторская установка (то есть установка произносителя эпического слова) есть установка человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная установка потомка⁵⁶. Далее он выделяет три конститутивные черты, которыми характеризуется жанр эпопеи: "1) предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, «абсолютное прошлое», по терминологии Гете, и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел); 3) эпический мир отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей), абсолютной эпической дистанцией"⁵⁷.

Эпический мир реализуется в определенном пространственно-временном континууме. Наиболее полный анализ категории эпического времени в былинах был сделан Д. С. Лихачевым в монографии "Поэтика древнерусской литературы". Соглашаясь с суждением М. М. Бахтина о том, что время действия в былинах отнесено к прошлому, Д. С. Лихачев указывает на то, что былины не имеют авторского времени. Время в былинах — время действия и время исполнительное⁵⁸. Время действия былин локализовано в прошлом — "в условной эпохе русского прошлого", которую он называет "эпической эпохой" (511). Д. С. Лихачев пишет: "...действие былин происходит

⁵⁶ Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 401–402.

⁵⁷ Там же. С. 401.

⁵⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 511. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

в эпоху русской независимости, славы и могущества, в эпоху патриархальных взаимоотношений князя и дружины богатырей, в эпоху, когда народ в лице богатырей мог брать верх, когда богатыри могли влиять на судьбы страны, и т. д., то есть в одну общую условную «эпическую эпоху». Эта «эпическая эпоха» — некая идеальная «старина», не имеющая непосредственных переходов к новому времени" (511). Но в то же время «эпическая эпоха» воспринималась сказителями как "строгая историческая, действительно существовавшая, а не фантастическая", а события в былине "воспринимаются как события русской истории" (512–513). Ученый считает, что "время действия былин тем не менее замкнуто и замкнуто как бы двойной замкнутостью. Во-первых, замкнуто само эпическое время, которое занимает в русской истории как бы «островное положение» и не связано никакими переходами с остальной русской историей, и, во-вторых, замкнуто действие самой былины. Время в былине, как и в сказке, начинается с началом сюжета и заканчивается концом сюжета" (514). По мнению Д. С. Лихачева, "при всей «абсолютной завершенности» эпического времени оно завершено лишь формально, так как в идеологическом отношении эпическое время является временем русской старины, национально-героическим прошлым" (515). Эта формальная замкнутость приводит к тому, что сюжет былины один и время в нем "однонаправлено, «однолинейно»" (515), оно не знает возвращений назад и забеганий вперед. Художественное время былины, как отмечает Д. С. Лихачев, зависит от богатыря, от его активности в сюжете. Он приходит к выводу, что "неровность течения времени в былине — это неровность действия богатыря. Время движется богатырским подвигом. Богатырь как бы толкает время, движет его рыв-

ками, напряжением силы" (517). Соглашаясь с А. П. Скафтымовым, он признает, что в былине част эффект внезапности, неожиданности.

В отличие от Д. С. Лихачева Б. Н. Путилов, рассматривая проблему эпического времени, выделяет три основных временных художественных аспекта: повествовательное время, сюжетное время и эпохальное время⁵⁹. Под повествовательным временем исследователь понимает "совокупность временных отношений повествователя к повествуемому, как они воплощены в эпических текстах" (33). Необходимо рассматривать повествовательное время "как обобщенный голос эпической среды, созидающей и хранящей эпос, как материализацию эпической эстетики" (33). Сюжетное время, по Б. Н. Путилову, — это "весь комплекс временных отношений внутри сюжета, в первую очередь — отношений между событиями, между персонажами и событиями, характер и способы временной фиксации происходящего, отсчета времени" (33), а эпохальное время — "свойственное эпосу толкование прошлого как неповторимой исторической эпохи и заключенное в эпосе (имплицитное или эксплицитное) стремление соотносить это прошлое с реальностью народной жизни" (33).

Наряду с эпическим временем жанровое значение имеет и эпическое пространство, глубокий анализ которого дал Б. Н. Путилов (Героический эпос и действительность. С. 18–32). Он говорит, что пространство вне событий, происходящих в эпическом мире, вне действий его персонажей не существует. Одна из особенностей пространственных описаний, которые в эпосе сюжетно обусловлены и сюжетно направлены, — их фрагментарность. Автор указывает на сходство между эпическими пространственны-

⁵⁹ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 33. Далее ссылки на стр. даются в тексте в скобках после цитаты.

ми описаниями и театральными декорациями, которое выражено в следующем: они, во-первых, "обеспечивают привязку происходящего, представляют площадку, ее границы в данный момент, заключают в себе характеристики социального, исторического, бытового плана" (19), во-вторых — "не претендуют на полноту и эмпирическую точность воспроизведения, им достаточно подчас нескольких выразительных подробностей" (19). Б. Н. Путилов выделяет характерные признаки пространственных описаний в эпосе: они "условны — это результат обязательного наличия элементов вымысла, фантастики, гиперболы, сгущения красок и определенной однотонности" (19), они "экспрессивны, функциональны, их необъективность очевидна, они всякий раз выполнены как бы с одной точки, и точка эта выбрана создателями эпоса, симпатии и антипатии которых стабильны и предельно четки" (19), пространство в эпосе "не столько движется, сколько сменяется, оно дискретно" (19). Он видит в любом эпосе "взаимоотношения (чаще всего — конфликтные) двух противостоящих миров — «своего» и «чужого»" (23). Далее Б. Н. Путилов замечает, что "«чужая» земля в героическом эпосе — это обычно средоточие зла для «своего» этноса. Развитие сюжетики в героико-патриотическом направлении приводит к тому, что такая «чужая» земля идентифицируется с исторически определенной страной, получает постоянное имя, становящееся нарицательным — при сохранении конкретной исторической окраски, вбирает предшествующие и последующие впечатления народа. Она оказывается тем самым и как будто исторически реальной, и вместе с тем исторически вымышленной, но семантика ее вполне устойчива" (23–24). Общей особенностью эпического пространственного континуума, по его мнению, является "пустынность, раз-

реженность, дискретность. Пространство лишь изредка заполняется и лишь на время обретает непрерывность, в принципе же мы имеем дело с прерывистой привязкой коллизий, ситуаций к отдельным локусам, промежутки между которыми часто ничем не заполнены либо обозначены отсчетом эпического времени, нужного на передвижение героя" (25). Под локусами он понимает "устойчивые образы, локусы-знаки, локусы-типы, определяющие пространственную специфику эпоса" (26), "их функциональность и ситуативность тесно связаны с их семантической заряженностью" (26), это "подчас единственная пространственная реальность, поскольку с ними связаны эпические события" (25). Б. Н. Путилов называет характерные для былин локусы: города Киев, Москва, Рязань, Казань, реки, горы и пещеры, перекрестки дорог, богатырская застава, тюрьма, камни с предупредительными надписями, чисто поле, одинокие деревья с вещими птицами на них и т. д.

В современной фольклористике активно изучаются сюжет, композиция, поэтический язык (эпитеты, формульность, общие и типические места, повторы и т. д.). Эти категории тесно связаны с проблемой сохранения и развития эпической традиции и будут рассмотрены в следующих главах.

Первый хорошо известный сборник былин — это "Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым", датированный XVIII в. В первое издание сборника, вышедшее в 1804 г., вошли тексты 26 песен, отредактированные А. Ф. Якубовичем. Во втором издании, опубликованном в 1818 г., было значительно расширено количество приводимых текстов: вместо 26 их было уже 61. В издании "Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым", подготовленном А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым (2-е изд. — 1977 г.) опубликован 71 текст.

До начала XIX века были популярны прозаические разработки былинных сюжетов. Долгое время они рассматривались как записи былин. В. Я. Пропп, возражая, справедливо заметил: "Былина стала проникать в древнерусскую литературу. Начиная с XVII века, мы имеем рукописные повести, предметом которых служат подвиги богатырей. Из них наиболее излюбленными были повести об Илье и Соловье-разбойнике и о Михаиле Потыке. Такие произведения именовались «повесть», «гистория» или «сказание». Книжным языком того времени здесь повествовалось о тех героях и их подвигах, о которых народ пел. Эти «повести» предназначались, конечно, не для пения, а для чтения. Но эти «повести» — не «древнейшие записи былин», как думали многие ученые, это — именно «повести», отвечающие, как правило, вкусам и запросам грамотного населения растущих городов"⁶⁰.

В конце XVIII века фольклорные записи, кроме "Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым", носили случайный характер. Наиболее полным изданием русских песен, записанных в XVIII веке, явилось "Собрание разных песен" М. Д. Чулкова, опубликованное в 1770–1774 гг. Собирателем и исследователем русских песен Н. А. Львов в 1790 г. издал "Собрание русских народных песен с их голосами, положенными на музыку Иваном Прачем", но в это собрание не вошла ни одна былина, хотя позднее, в 1796 г., он написал поэму "Добрыня, богатырская песнь" в духе народных традиций.

Открытие богатейшего и хорошо сохранившегося былинного эпоса на Севере и в Сибири во второй половине XIX века вызвало огромный и живой интерес к собиранию и изучению былин. В 1860–1874 гг. в результате многолетнего собирания былин вышло

⁶⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 10–11.

издание "Песен, собранных П. В. Киреевским" в 10 выпусках, насчитывающее около тысячи песен, среди которых были и записи былин. В то же время появился малоизвестный сейчас сборник русского фольклора "Русские песни, собранные Павлом Якушкиным" в 2 выпусках. Этот сборник впоследствии полностью вошел в собрание П. В. Киреевского.

В 60-е гг. XIX века, оказавшись в ссылке в Олонецкой губернии, которую он позже назовет "Исландией русского эпоса", П. Н. Рыбников делает записи 221 былины. Эти записи наряду с другими жанрами русского фольклора вошли в 4-томное собрание "Песен, собранных П. Н. Рыбниковым". Записи былин в этом издании распределены по тридцати трем исполнителям, особо выделены непаспортизированные тексты. По следам П. Н. Рыбникова в 1871–1872 гг. в Олонецкую губернию отправился А. Ф. Гильфердинг, который записал 318 былинных текстов от разных сказителей; они были опубликованы в 3-томном собрании "Онежские былины".

Данные издания пробудили интерес к былинному наследию русского Севера и поэтому в 90-х годах XIX века этот регион посетило несколько экспедиций. Так, в результате экспедиции 1886 года в Олонецкую и Архангельскую губернии Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина появился сборник "Песни русского народа". В 1893–1894 гг. исследователь и собиратель былин Е. А. Ляцкий обнаружил, что открытый П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом сказитель Т. Г. Рябинин передал свое умение сказывать былины своему сыну И. Т. Рябину. От И. Т. Рябинина Е. А. Ляцкий записал и опубликовал 6 текстов былин. В соби́рание былин в Архангельской губернии весомый вклад внесли А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков. В послереволюционный период для изучения русского эпоса на Севере отправлялись

фольклорные экспедиции под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых, В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, К. В. Чистова и многих других.

Эпическая династия Рябининых–Андреевых хорошо известна в мировой фольклористике благодаря записям выдающихся собирателей фольклора от четырех поколений сказителей, что позволило почти столетие наблюдать за развитием эпической традиции. Первые записи были сделаны Н. П. Рыбниковым в начале 1860–х годов и А. Ф. Гильфердингом в 1871 году от Т. Г. Рябинина, который, как известно, "перенял" былины от Ильи Елустафьева и от своего дяди — Игнатия Ивановича Андреева. От Т. Г. Рябинина сделаны записи 27 сюжетов былин. Он выступал с исполнением былин в Русском Географическом Обществе, от него М. П. Мусоргский и Н. А. Римский–Корсаков записали эпические напевы, которые получили развитие в русской музыке. Наибольшую известность приобрел И. Т. Рябинин, который исполнял былины в Петрозаводске, Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Болгарии, Сербии и Австро–Венгрии. И. Т. Рябинин исполнял 17 сюжетов, но от него записано и опубликовано олонецким собирателем Е. А. Ляцким 5 былин и 2 фрагмента. Эпическая традиция сохранилась и в третьем поколении — у пасынка и племянника Ивана Трофимовича И. Г. Рябинина–Андреева, от которого записано 9 текстов и 8 фрагментов. Экспедиция Государственного института истории искусств, специально отправившаяся для записи былин от Ивана Герасимовича, не застала его в живых, но открыла нового сказителя в четвертом поколении — П. И. Рябинина–Андреева. В его наследии наибольшую фольклористическую ценность представляют первые записи, сделанные летом 1926 г.⁶¹

⁶¹ Былевой репертуар династии Рябининых–Андреевых представлен в виде таблицы в приложении.

Проблема аутентичности исполнения былины и ее полевой записи, полевой записи и опубликованного текста в данной работе не обсуждается, так как она не поставлена и не решена, а в некоторых случаях не может быть решена в современной фольклористике из-за отсутствия фонографических записей сказителей и невозможности восстановления полного цикла публикации текста.

Задачей данного учебного пособия является введение в проблематику изучения жанра, ознакомление с методикой анализа поэтики сюжета былин на материале эпической традиции Рябининых-Андреевых. Поэтика сюжета былин исследуется в двух аспектах: анализ вариантов одного сюжета, записанного от Т. Г. Рябинина, и анализ ряда сюжетов, общих для всех представителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

Трофим Григорьевич Рябинин
(1791, дер. Гарницы Петрозаводского уезда
Олонецкой губернии — 1885, дер. Середка
Петрозаводского уезда Олонецкой губернии)

Иван Трофимович Рябинин
(1844, дер. Середка — 2/15.11.1909, дер. Гарницы)

Иван Герасимович Андреев
(1873, дер. Гарницы — 12.03.1926, дер. Гарницы)
с женой Марфой Петровной

Петр Иванович Андреев
(27.05/9.06.1905, дер. Гарницы —
3.02.1926, Петрозаводск)
с женой Анной Васильевной

ПОЭТИКА СЮЖЕТА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Былина в современной фольклористике — достаточно изученный жанр. Но до сих пор остаются неисследованными сюжеты былин с учетом новейшего опыта изучения исторической поэтики, в рамках которой исключительное значение приобрели работы академика А. Н. Веселовского, особенно его незаконченный труд "Поэтика сюжета".

А. Н. Веселовский рассматривает "сюжет как комплекс мотивов"¹. Под мотивом он понимает "формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности"². По мнению А. Н. Веселовского, "простейший род мотива может быть выражен формулой $a + b$: злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу"³. Признаком мотива А. Н. Веселовский считает "его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то похищает (затмение); молнию-огонь сносит с неба птица; у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т. п."⁴ Второе определение мотива у А. Н. Весе-

¹ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ловского: "Под *мотивом* я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения"⁵.

С критикой, точнее с уточнением, концепции А. Н. Веселовского выступил В. Я. Пропп в книге "Морфология сказки": "По Веселовскому, мотив есть неразлагаемая единица повествования. Однако те мотивы, которые он приводит в качестве примеров, раскладываются. Таким образом, вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен и разложим. Последняя разложимая единица как таковая не представляет собой логического или художественного целого. Соглашаясь с Веселовским, что часть для описания первичнее целого (а по Веселовскому мотив и по происхождению первичнее сюжета), мы впоследствии должны будем решить задачу выделения каких-то первичных элементов иначе, чем это делает Веселовский"⁶. Упрек В. Я. Проппа выглядит убедительным, но в его аргументации есть и спорные моменты: он отсекает в определении мотива слово "образный" (у Веселовского — "образный одночленный схематизм"). Так, формулу мотива Веселовского $a + b$ можно представить и тематически: "солнце кто-то похищает" — как похищение солнца. В свою очередь этот "образный одночленный схематизм" раскладывается на ряд действий похищения, поэтому основной признак мотива не действие, а образ, который возникает как целостное обобщение действий.

В качестве повествовательной единицы в сказке В. Я. Пропп выделяет функции действующих лиц: "Под функцией понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значительно-

⁵ Там же. С. 305.

⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 18.

сти для хода действия"⁷. Он выявил 31 функцию в волшебной сказке, но наряду с "функциями" использует и другое понятие — "мотивировки".

Действительно, мотив функционален, но мы будем понимать его функциональность не в том смысле, как определяет функцию В. Я. Пропп. "Функция" — в буквальном переводе с латинского языка "исполнение". Функция имеет ряд признаков. Так, приводившийся выше мотив "похищения солнца" может быть разложен на такие функции:

похищение	{	кем? кому или для кого? когда? зачем или почему? где? как?
-----------	---	---

Конечно, В. Я. Проппу удалось разложить мотивы на функции, но в конкретном анализе сказок он все-таки пользуется, может быть, сам того не сознавая, открытием А. Н. Веселовского. Так, в его анализе сказок можно найти не только функцию, но и классическую формулу $a + b$. Особенно это заметно в его аналитических пересказах некоторых сказочных сюжетов.

Перевод книги В. Я. Проппа "Морфология сказки" на английский язык в 1958 году вызвал большой интерес зарубежных исследователей к структуре фольклорного произведения. Разбору книги В. Я. Проппа в теоретическом и методологическом аспекте посвящена статья К. Леви-Строса "Структура и форма", в которой автор упрекает В. Я. Проппа в "заблуждениях формализма": "Анализ испытывается синтезом. Если синтез оказывается невозможен, значит, анализ был неполным. Ничто не может убедить в несостоятельности формализма лучше, чем неспособность

⁷ Там же. С. 25.

восстановить эмпирическое содержание того момента, из которого он тем не менее исходил. Что же он потерял по дороге? Именно содержание. Пропп открыл — себе во славу, — что содержание сказок *изменчиво*; из этого он слишком часто делает вывод, что оно *случайно*, в чем и состоит основа трудностей, с которыми он сталкивается, потому что даже замены подчинены законам⁸. Далее он продолжает: "Структура сказки, как ее выводит Пропп, предстает в виде хронологической последовательности качественно различных функций, каждая из которых образует независимый «род». Можно спросить себя — как в случае персонажей и их атрибутов, — не слишком ли он рано останавливает анализ, ища форму слишком близко от уровня непосредственного наблюдения. Многие из различаемых им тридцати одной функции представляются сводимыми или уподобляемыми *одной и той же* функции, появляющейся в *разные* моменты повествования и подвергнутой при этом одной или нескольким *трансформациям*"⁹. Причину такого заблуждения К. Леви-Строс видит в непонимании Проппом дополнительности между обозначающим и обозначаемым, с одной стороны, и в приравнивании устной традиции к обычному языковому выражению, разные уровни которого неодинаково поддаются структурному анализу, с другой. К. Леви-Строс говорит о необходимости уподобления анализа фольклора анализу языковой системы, в которой важны и грамматика, и лексика: "в отношении фольклора морфология бесплодна, пока ее не оплодотворят прямые или косвенные этнографические наблюдения"¹⁰. Для структурного анализа на

⁸ Леви-Строс К. Структура и форма // Зарубежные исследования по семiotике фольклора. М., 1985. С. 25.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 30.

"уровне" лексики он предлагает "мифему" — содержательно-структурную единицу мифа¹¹.

Структурную типологию индейских сказок дал А. Дандес. Развивая концепцию В. Я. Проппа, он заменил функцию другой категорией — мотифемой, в которой "объединяются значения мотива и алломотива"¹². Сказку он определил как последовательность мотифем. Он писал: "Мотифемные ячейки могут заполняться различными мотивами, а конкретные альтернативные для данной ячейки мотивы могут быть названы алломотивами"¹³. А. Дандес пришел к выводу, что "индейские сказки имеют выраженную структуру постольку, поскольку они состоят из четко выделяемых мотифемных последовательностей"¹⁴. Структурный анализ, по мнению А. Дандеса, необходим для выявления типологических связей, установления особых мотивов, выраженных в данной мотифеме, предсказания «в ситуации окультуривания, сравнения разных фольклорных жанров»¹⁵.

А. Греймас в статье "В поисках трансформационных моделей" распределил 31 функцию В. Я. Проппа на 20 функциональных пар¹⁶. Такому объединению поддаются лишь некоторые функции. "Попарное объединение, определяемое как категоризация функций, освобождает анализ, по крайней мере частично, от уровня синтагматического следования: сравнение, имеющее целью соединить тождественное и разъеди-

¹¹ Там же. С. 30–33.

¹² Дандес А. Структурная типология индейских сказок Северной Америки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 185.

¹³ Там же. С. 185–186.

¹⁴ Там же. С. 189.

¹⁵ Там же. С. 189–191.

¹⁶ Греймас А. В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 89–108.

нить противоположное, теперь может быть применено к набору функций в целом"¹⁷. Он приводит следующую схему сокращенного набора повествовательных функций: договор (предписание vs согласие); борьба (реакция vs победа); коммуникация (передача vs получение); присутствие; быстрое перемещение¹⁸.

Изучению структурной модели фольклорных жанров посвящена статья П. Маранды и Э. Кёнгас-Маранды "Структурные модели в фольклоре". Для определения "значимых элементов и их порядка" они выделили термы и функции¹⁹. Термы — "символы, представленные социально-историческим контекстом; термы могут быть <...> любыми субъектами, способными к действию или к исполнению ролей"²⁰. Они обусловлены самим повествованием и варианты. Функции "являются ролями, опирающимися на символы. Они образуют динамическое сочетание основных активных сил, задающих термам толчок, движение"²¹. Они константны. Мотивы в их понимании — это "странствующие межкультурные нарративные элементы"²².

Совершенно иной подход к изучению структуры фольклора предложили К. Брето и Н. Заньоли. Они предприняли попытку раскрыть смысловой уровень магрибской сказки, выделив "синтетическую единицу членения текста" — "диадой"²³. Под диадой они пони-

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 194–260.

²⁰ Там же. С. 203.

²¹ Там же. С. 204.

²² Там же. С. 196.

²³ Брето К., Заньоли Н. Множественность смысла и иерархия подходов в анализе магрибской сказки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. С. 169.

мают взаимосвязь двух персонажей. Персонажи — это "«существа», необходимой и достаточной характеристикой которых является проявление в некоторый момент рассказа минимальной инициативы"²⁴. К. Брето и Н. Заньоли выделяют "диадные реализации" и "диадные моменты"²⁵.

Пропповская методика анализа сказки использовалась западными учеными в исследованиях разных фольклорных жанров на различном национальном материале. Одна из последних зарубежных публикаций — статья Чезаре Сегре, в которой он пишет, что "понятие повествовательной функции, выдвинутое Проппом, не заменяет понятия мотив, которое использовалось ранее: каждое из них применимо в своей области, и отказ от одного в пользу другого нанес бы ущерб <...> исследованиям"²⁶.

В современной отечественной фольклористике возможности категории "мотив" раскрыты в работах Б. Н. Путилова, Н. Г. Черняевой и Н. А. Криничной.

По наблюдению Б. Н. Путилова, "для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении — это относительно самостоятельный, завершённый и относительно элементарный отрезок сюжета. Современное исследование фольклорных сюжетов, в особенности эпических, основывается, как правило, на признании того, что путь к пониманию сюжета, произведения в целом, лежит через самое детальное рассмотрение составляющих его мотивов"²⁷. По Б. Н. Путилову, мотив — "это одно из слагаемых эпического сюжета, это элемент эпической сюжетной

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Чезаре Сегре. Две истории о друзьях—"близнецах": к вопросу об определении мотива // Мировое древо. № 1. М., 1992. С. 20.

²⁷ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 143.

системы <...> Мотивы можно рассматривать как определенным образом организованные моменты движения сюжета"²⁸. По его определению, "эпический мотив — это типовая формула, являющаяся специфическим средством реализации одного из типовых элементов эпического сюжетного арсенала"²⁹. Более подробно эти подходы к изучению мотива и сюжета разработаны в монографии Б. Н. Путилова "Героический эпос и действительность"³⁰. Следует отметить, что именно Б. Н. Путилову удалось восстановить в научном статусе категорию "мотив", которая далеко не исчерпала свои познавательные и эстетические возможности.

Классификацию единиц былинного текста, основанную на категориях мотифема, мотив и алломотив, предложила Н. Г. Черняева³¹. "Типологическую шкалу" она понимает так: "в структурной поэтике выделяются лингвистические единицы текста (и соответственно низшие уровни) и повествовательные, супралингвистические единицы (и соответственно высшие уровни). Для былинного текста таковыми будут: уровень былинной строки, уровень былинной строфы, уровень былинной тирады — низшие уровни <...>; уровни былинного сюжета и композиции — высшие уровни <...> Уровни низшего порядка описаны в метрических понятиях строки, строфы, тирады, и это естественно, т. к. былина — песенно-стихотворный жанр. В то же время эти термины соответствуют таким грамматическим категориям, как фраза (строка),

²⁸ Там же. С. 143, 144.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 137–204.

³¹ Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980. С. 101–134.

сверхфразовое единство (строфа) и крупный семантический блок (тирада). Каждый из уровней имеет свои единицы: былинная строка — былинные лексемы, которые могут образовывать былинные формулы (в понимании А. Б. Лорда), организованные метрически; былинная строфа — былинные строки; былинная тирада — былинные строфы; былинный сюжет и композиция — былинные мотивы"³². Исходным понятием при анализе былинного повествования она избирает мотив: "Мотив надо рассматривать в разных аспектах (как единицу данного эпоса в целом, как единицу определенного сюжета и, наконец, как единицу реально существующего текста)"³³. По мнению Н. Г. Черняевой, для изучения типов варьирования текстов необходимо привлекать не только сюжетообразующие элементы, но и несюжетообразующие мотивы. К несюжетообразующим мотивам относятся "эмоциональные и интеллектуальные реакции персонажей, этикетные формы поведения, некоторые описания атрибутов, мест, персонажей"³⁴. Она приходит к выводу, что "понятие мотива и его производных расширяется. Во многом это продиктовано требованиями <...> работы, в методике которой установлены следующие соотношения *мотифемы*, *мотива* и *алломотива*: *мотифема* — инвариант отношения субъекта и объекта, *мотив* — конкретное воплощение отношения субъекта и объекта, а также тех атрибутов, пространственных и прочих характеристик, которые непосредственно включены в действие, *алломотив* — конкретная реализация субъекта, объекта, их отношения, атрибутов, пространственных и других показателей"³⁵.

³² Там же. С. 102.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

С критикой концепции Н. Г. Черняевой выступил Б. Н. Путилов. Указывая на "зыбкость различения мотива и алломотива" в определении Н. Г. Черняевой, Б. Н. Путилов пишет, что "в своем конкретном анализе Черняева ограничивается рассмотрением отношений мотивфемы и алломотива. Например, приводится былинная мотивфема «Герой убивает антагониста», а к ней дается парадигматический ряд конкретных реализаций — алломотивов: «Дунай стреляет в кольцо и попадает в Настасью», «Добрыня разрывает на части Маринку», «Глеб Володьевич отсекает голову Маринке Кандадьевне», «Добрыня отсекает голову змею», «Илья Муромец бросает под небеса Сокольника» и др. Возможно, что для определенных исследовательских целей мотив как промежуточное звено может опускаться. Но даже приведенные примеры говорят о том, что понимание существа, природы, генетических связей и семантики названных алломотивов возможно лишь при условии, что они не только будут возведены к общей мотивфеме, но и соотнесены с уровнем мотива, как переходной ступени, как разных схематических выражений мотивфемы, и разнесены по разным мотивным гнездам»³⁶. Далее он замечает, что "мотивы и алломотивы в операционном плане теснейшим образом взаимосвязаны. Сам по себе алломотив обладает значением лишь в данном тексте, в группе текстов, являющихся вариантами одного сюжета. Его глубинные значения могут открыться лишь на уровне мотива, т. е. когда известные алломотивы будут собраны, составят парадигму и между ними будет установлена семантическая и генетическая/типологическая связь. Раскрытие семантики мотива, его генетических корней предпо-

³⁶ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 174.

лагает возможно более полное владение фондом соответствующих алломотивов"³⁷.

Б. Н. Путилов рассматривает мотив как сочетание "субъект — действие (состояние) — объект"³⁸. Мотив "обладает относительной самостоятельностью, поскольку в нем заключены свои значения и поскольку он может реализоваться в различных алломотивах в контексте разных сюжетов и даже разных жанров. При этом мотив полностью не изолирован, он состыковывается с другими мотивами как семантически, так и конструктивно. В ряде случаев мотивы складываются в блоки, которые фактически живут как одно целое, именно таким образом обнаруживая свои значения"³⁹. Б. Н. Путилов приводит пример подобного "блока" в типичном начале былины: "княжеский пир, поведение гостей, слова князя/приход чужого посла, реакция собравшихся, поручение богатырю"⁴⁰. В свою очередь, блоки могут выступать как целостные части сюжетов, за ними следуют новые, а сюжет движется блоками мотивов, их сцеплениями.

Мотив, по мнению Б. Н. Путилова, "создает некое семантическое поле, значения которого далеко не всегда улавливаются прямо в тексте, но открываются через знание парадигмы. Так, мотив «жена готовит мужу коня в поход» встречается и в эпических песнях разного типа, и в песнях лирического склада. С этим мотивом неизменно соотносятся «проводы», «прощанья», «обещания» и т. д., т. е. круг эмоций и действий вполне естественный, «натуральный». Но семантическое поле мотива включает также предсказание, предупреждение, реакцию героя на них; в за-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 175.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

висимости от отношений между персонажами всплывают переживания остающихся, их горе, но также и предательство, вероломство; в ближайшей сюжетной перспективе за этим мотивом видятся испытания героя и испытания ждущих его дома, беда, предугазанная гибель, заочное прощание и т. д."⁴¹ В целом, мотив "может задавать целый пучок дальнейших значений, а его собственный глубинный смысл откроется лишь «обратным» путем, через осмысление всего сюжета с его развязкой"⁴². В то же время сюжет не статичен, а динамичен: "фольклорная сюжетика живет непрерывной творческой работой, совершающейся внутри традиции, в том числе традиции, связанной с фондом мотивов"⁴³.

Свидетельством успешного изучения жанра предания в аспекте анализа мотивов является монография Н. А. Криничной "Русская народная историческая проза". По мнению Н. А. Криничной, мотив — "это сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени влияние на основополагающий элемент — предикат. <...> Мотив составляют, как правило, следующие элементы: субъект — центральный персонаж; объект, на который направлено действие; само действие (чаще это функция героя) или состояние; обстоятельства действия, определяющие локально-временные рамки предания, а также обозначающие способ действия (заметим, что речь здесь идет о повествовательных элементах, поэтому они не могут быть полностью приравнены к

⁴¹ Там же. С. 181.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 184.

синтаксическим категориям)"⁴⁴. Плодотворность такого подхода демонстрируется результатами принятого исследования — системным аналитическим описанием жанра, что само по себе уникально.

Любое типичное действие имеет составляющие. Разложение действия на составляющие есть его алгоритм, но действие в эпическом повествовании может не совпадать с алгоритмом реального действия. Алгоритм повествования избирателен, представленное в эпическом сюжете действие "этикетно". Д. С. Лихачев в книге "Поэтика древнерусской литературы" ввел понятие "литературный этикет". Говоря о возникновении литературного этикета, Д. С. Лихачев пишет, что "взаимоотношения людей между собой и их отношения к Богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека. Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство"⁴⁵. Литературный этикет "вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д."⁴⁶ Вместе с тем Д. С. Лихачев считает, что в литературном этикете надо видеть "систему творчества, а не простую его шаблонизацию. Ни в коем случае нельзя отождествлять канон и шаблон"⁴⁷.

Проблема "этикета" не осталась незамеченной в фольклористике. Еще в 1966 году Б. Н. Путилов

⁴⁴ Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 19, 18.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Т. 1. С. 345.

⁴⁶ Там же. С. 358.

⁴⁷ Там же. С. 370.

обратил внимание на то, что "русский эпос в том его виде, как он известен нам по записям и пересказам XVII–XX вв., отличается исключительной художественной цельностью и ярко выраженной спецификой в отношении к действительности. Оба эти качества могут быть объяснены по крайней мере тремя главными причинами: действием законов жанра, за которыми стоят определенные закономерности художественного сознания его творцов; влиянием предшествующей традиции; многовековым развитием сложившихся форм"⁴⁸. Далее ученый говорит о том, что "законы жанра и связь с определенными традициями ставят былинам известные границы в их историческом содержании, в возможностях отбора и изображения явлений жизни. Есть определенный круг проблем, сюжетных тем, коллизий, ситуаций, образов, которые составляют эпический фонд"⁴⁹.

На наш взгляд, понятие эпического этикета вполне можно использовать и в фольклористике, поскольку в устном народном творчестве существует не менее жесткая нормативность, чем в средневековой литературе.

⁴⁸ Путилов Б. Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Т. X. Л., 1966. С. 103.

⁴⁹ Там же. С. 105.

ПОЭТИКА СЮЖЕТА И ПРОБЛЕМА ЭПИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У Т. Г. РЯБИНИНА

Трофим Григорьевич Рябинин — один из самых выдающихся эпических певцов, известный во всем мире. Первые записи от Т. Г. Рябинина, как уже отмечено нами во "Введении", были сделаны Н. П. Рыбниковым в начале 1860-х годов и А. Ф. Гильфердингом в 1871 году.

В фольклористике особенно высоко оценивают сказительское мастерство Т. Г. Рябинина. Вот как описал П. Н. Рыбников свое первое впечатление о Т. Г. Рябине: "Он выговаривал былинку пословечно, я записывал начерно, а когда он кончил, я попросил его спеть и по петому поправил свою запись. Напев былинки был довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиною десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!"¹

Первые сведения о том, как сказители перенимали былинки, содержатся в материалах собирателей былин. Не случайно в паспортных данных к каждому

¹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 58.

сказителю собирателями приводятся списки учителей, иногда с указанием тех сюжетов, которые были усвоены певцом. Важную роль играют комментарии к текстам и вступительные статьи.

От Т. Г. Рябина сохранилось 43 записи эпических текстов, в том числе 22 повторяющихся, один сюжет существует в трех записях и один — в четырех. Всего от Т. Г. Рябина записано 27 сюжетов былин. Преимущественно большинство записей разновременные. Исключением является сюжет быliny "Вольга и Микула", который известен в четырех записях и существует как в разновременных, так и в одновременных вариантах.

Подробная паспортизация записей в сборнике П. Н. Рыбникова отсутствует. Основной корпус былин записан в мае-июне 1860 года, но знакомство с Т. Г. Рябиным не закончилось одной встречей. По свидетельству П. Н. Рыбникова, они не раз потом виделись в Заонежье и в Петрозаводске: "всякий раз оба они (Т. Г. Рябинин и К. Романов. — О. З.) заходили ко мне и всегда почти пели свои быliny «на послушанье моим знакомым», а я между тем проверял свою запись, пополнял пропуски и окончательно устанавливал текст петых ими вариантов"².

Проблема эпической памяти тесно связана с изучением процессов обучения, хранения и воспроизведения, с типами сказителей и рассматривается в совокупности с такими категориями фольклористики, как традиция, развитие и сохранение эпического сюжета, типические и переходные места, формульность.

Впервые на типические места обратил внимание А. Ф. Гильфердинг. Он выделил в быline две составные части: "места *типические*, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе

² Там же. С. 61.

речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былин; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий остов, так что всякий раз, как сказитель поет былин, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения"³. Во время прослушивания и записи былин А. Ф. Гильфердинг приходит к выводу, что сказитель имеет свои особенные выработанные типические места и употребляет их, когда считает нужным.

К проблеме типических мест в былинах обратился В. Миллер в "Очерках русской народной словесности": "Всего более изменения входят в описание хода действия, в так называемые переходные места. Помня часто лишь только общие очертания сюжета, сказитель вводит в рассказ те или другие детали, по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами из запаса своей памяти, т. е. перенося какую-нибудь понравившуюся ему черту из одной быliny в другую"⁴. В. Миллер уточнил положение А. Ф. Гильфердинга о типических местах: "если описательные места и прочнее в своих деталях, то все же изменения в текстах былин обычны и в этом отношении. Тот или другой сказитель мог по личному вкусу вставлять их чаще или реже, затягивая ими ход рассказа или, напротив, сокращая его"⁵. В. Мил-

³ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 57.

⁴ Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. Т. 1. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

лер отметил, что измениться может и характер богатыря. Он выделил такие способы изменения: перенесение типических речей, сопровождающих то или иное действие, с одного богатыря на другого, подчеркивание различных черт характера героя. Но эти изменения не нарушают сложившегося типа богатыря. Личность сказителя, по мнению В. Миллера, проявляется и в типических, и в переходных местах.

М. Сперанский рассматривал проблему типических мест как проблему сложения и передачи сказителем былины: "композиция былины сводится для певца к следующему: к фабуле, которою при помощи памяти он должен овладеть, как не повторяющейся сущностью содержания, особенно напряженно; затем — к типичной, определенной отчетливо фигуре героя или действующих лиц, повторяющихся в ряде былин, а потому и более легко удерживаемых в памяти; наконец, к типичным общим местам, запасом коих по своему усмотрению распоряжается певец применительно к его пониманию художественных своих задач; сюда же, конечно, следует отнести и напев былины, который подбирается так же, как и типичные места, из запаса музыкальных мотивов, находящихся в распоряжении сказителя"⁶.

А. М. Астахова выделила три основные группы сказителей, "по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины"⁷. Одна из них — "сказители-исполнители"⁸, т. е. "это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны,

⁶ Сперанский М. Былевая песня и современные ее носители // Русская устная словесность: В 2 т. М., 1919. Т. 2. С. XVII-XVIII.

⁷ Астахова А. М. Былины Севера: В 2 т. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 71.

⁸ Там же. С. 85.

общее хранителям эпической старины стремление петь так, как «старики певали», с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удерживать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но и почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом⁹. Вторая группа — «сказители-творцы»¹⁰ — характеризуется тем, что «перенимая былинку, сказитель этого второго типа усваивает по преимуществу, по словам Гильфердинга, лишь «общий остов». Путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» и вырабатывается собственный, постоянный текст, отливаясь в определенную композиционную и словесную форму. В дальнейшем эта форма в основном остается неизменной и варьируется лишь в деталях»¹¹. Третий тип сказителей — это импровизаторы, которые «запомнив, подобно исполнителям второго типа, лишь сюжетную схему по преимуществу <...>, однако, не вырабатывают, не создают постоянного текста, а каждый раз меняют его, пользуясь всем арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми они владеют. Текст каждый раз будет представлять значительные отклонения от ранее данного варианта на тот же сюжет»¹². Существуют также переходные типы сказителей.

К проблеме эпической памяти обратился Б. Н. Путилов. Он рассмотрел ее как проблему сохранения текста: «Певец, как правило, действительно хранит в сознании некий устойчивый и, с его точки зрения,

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 82.

полный и верный текст песни"¹³. В сказывании этого "верного текста" проявляется мастерство сказителя, которое состоит не в запоминании, а в воспроизведении былины: "Мастерство сказителя состоит не в том, чтобы запомнить наизусть тысячи кем-то до него сложенных былинных стихов, а в том, чтобы научиться воссоздавать их в ходе сказывания былины"¹⁴. В качестве основной категории сказывания Б. Н. Путилов называет былинный стих: "...былинный стих создается каждым певцом в сущности заново и при каждом новом исполнении воспроизводится с различными вариантами. Один из характерных способов создания стиха состоит в подборе и соединении формул, запас которых есть у каждого сказителя. Даже в тех случаях, когда ученик как будто следует за учителем и в ряде случаев повторяет его почти строка в строку, самая конструкция строк, их внутреннее строение и структура системы строк все-таки не совпадают"¹⁵. Сказывание былин всегда творческий процесс: "Сказитель мог воссоздавать творчески то, чему он выучился; он следовал — более или менее творчески — традиции, которой постепенно овладевал в течение длительного времени; в рамках этой традиции он многое мог сделать. Никто не учил сказителя сочинять, его учили петь былинку, он исподволь и незаметно узнавал и запоминал многообразие эпических тем и сюжетов, проникался эпической атмосферой, приобретал знания по эпической истории, усваивал биографии и характеристики героев, взаимоотношения между ними; он овладевал сложным и богатым арсеналом поэтических средств

¹³ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 231.

¹⁵ Там же. С. 237.

и приемов эпоса"¹⁶. Проблему "типических" мест Б. Н. Путилов обсуждает в связи с "теорией формульности": "Любая эпическая ситуация, любое действие, состояние, движение, повторяющиеся в былинах и получающие традиционное формульное выражение, относятся к «типическим местам». Но «типичны» не только более или менее развернутые описания, состоящие из ряда организуемых формул, «типичны» и сами эти формулы. Варьированию подвергаются и формулы; и стихи, и стиховые сочетания в ходе их песенного воспроизведения"¹⁷.

Теорию формульности или "поэтическую грамматику" предложил и обосновал А. Лорд в книге "Певец поэм"¹⁸. Под формулой он понимает "группу слов, которая постоянно используется в одних и тех же метрических условиях для того, чтобы выразить данную существенную идею"¹⁹. При анализе творчества югославских сказителей он пользуется такими категориями, как формульное выражение, тема.

С критикой формульной теории А. Лорда выступил В. М. Гацак: "Главное в эпической памяти — не формула в точном и неизменном словесном выражении, а художественное содержание, поэтическая фактура повествования"²⁰. В статье "Основы устной эпической поэтики славян (антитеза «формульной» теории)" В. М. Гацак пишет: "Отстаивая приоритет памяти на текст — или, точнее, на текстовую материю — перед памятью на правила композиции, мы согласуемся с понятиями самих исполнителей и за-

¹⁶ Там же. С. 250.

¹⁷ Там же. С. 259.

¹⁸ *Albert B. Lord* The Singer of Tales. Harvard University Press. 1981. P. 65.

¹⁹ Ibid. P. 30.

²⁰ *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 24.

ключениями внимательных исследователей живой традиции. Суть уловлена А. Ф. Гильфердингом: «Главное участие принадлежит памяти», «память есть единственная сила, которая сознательно для самих певцов действует в усвоении и воспроизведении их рапсодий»²¹. Он считает, что в сказительской памяти "произведение хранится в виде своеобразной «тропы подробностей» (ср. понятие «следа» в современной теории памяти). На отдельных участках тропа способна раздваиваться, но обязательно сохраняет непрерывность. Поэтика эпического знания несводима к резумативным алломотивам; это поэтика конкретной фактурной воплощенности (включая опорные художественно-смысловые константы, синонимии замен при «добирании» подробностей)"²².

Проблема эпической памяти наиболее подробно и полно разработана в работах Н. Г. Черняевой²³. Так, она дает определение эпической памяти как особой жанровой памяти на эпический тип фольклорных текстов: "эпическая память — это способность отбирать, хранить и использовать в сказительской практике те или иные элементы эпической системы и связи между ними"²⁴. Или другое определение: "эпическая память — это особый жанровый тип фольклорной памяти, память на эпический тип текс-

²¹ Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян (антитеза "формульной" теории) // IX Международный съезд славистов: история, культура, этнография и фольклор славянских народов / Доклады советской делегации. М., 1983. С. 107.

²² Там же. С. 194.

²³ Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977; Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. С. 101-134.

²⁴ Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя. С. 24.

тов, это способность усваивать, хранить и воспроизводить эпические тексты. Содержание эпической памяти раскрывается только через сопоставление текстов учителя (передатчика эпических текстов) и ученика (воспринимающего эпические тексты), а также повторных записей одного и того же текста от ученика²⁵. В основе изучения эпической памяти северно-русских былинных сказителей, по мнению Н. Г. Черняевой, лежат "представления об иерархической структуре былинного текста"²⁶. Она выделяет следующие уровни для былинного текста: уровень былинной строки, уровень былинной строфы, уровень былинной тирады, уровни былинного сюжета и композиции. Об уровне былинной строки Н. Г. Черняева пишет: "именно былинная строка, тесно связанная с напевом, служит первоэлементом усвоения и воспроизведения былинных текстов"²⁷. К словесным компонентам строки она относит былинные лексемы и формулы. По мнению Н. Г. Черняевой, "две строки сопоставимы и совпадают, если они имеют при общем денотате как минимум одну общую былинную лексему и тождественность или синонимичность синтаксических конструкций"²⁸. Она отмечает, что "ориентация эпической памяти сказителя на конкретные единицы текста выявляется путем анализа совпадающих строк, в то время как импровизационные способности исполнителя, его склонность к моделированию проявляются в количественном и качественном составе несовпадающих строк"²⁹.

²⁵ Черняева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. С. 101.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ Там же. С. 103.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 107.

П. Д. Ухов, рассматривая типические места как средство паспортизации былин, приходит к следующим выводам:

"1. Типические формулы, как и былины в целом при их усвоении, сказителями наизусть не заучиваются. Вот почему типические формулы сказителей-учеников отличаются от типических формул сказителей-учителей. Степень этого различия определяется творческой манерой сказителей;

2. От частого повторения былин сказители всех категорий обычно вырабатывают твердый текст типических формул. Эти формулы для данного сказителя являются специфическими, отличными от формул других сказителей;

3. Эти твердо выработанные сказителем формулы используются во всех исполняемых им сюжетах (в тех сюжетах, где они нужны по ходу действия);

4. В зависимости от содержания формулы одного сказителя в различных сюжетах могут видоизменяться, но обычно своеобразные черты этих формул прослеживаются всюду"³⁰.

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
1. Зачин	1-2
2. Мотив происхождения героя: родословие мужание Вольги	3-4 5, 13

³⁰ Ухов П. Д. Типологические места (Locī Communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования. М., 1957. Т. 2. С. 136-137.

Высокой степенью сохранности текста характеризуется сюжет былины "Вольга и Микула", представленный в наследии Т. Г. Рябина четырьмя редакциями. Первая запись этой былины была сделана П. Н. Рыбниковым и содержит 157 строк³¹. Вторая и третья записи были сделаны А. Ф. Гильфердингом на острове Киж в течение июля 1871 года и содержат 110³² и 176³³ строк соответственно. Четвертая редакция записана в декабре 1871 года А. Ф. Гильфердингом в Петербурге, она содержит 184 строки³⁴.

Во всех четырех редакциях совпадают 24 мотива из 37. Может показаться, что это невысокая степень сохранности мотивов в сюжете, но это не так. Следует иметь в виду, что во второй записи сюжет былины сокращен за счет пропуска 12 мотивов, входящих в мотивы состязания в богатырской силе и состязания в богатырской мощи коней. В первой записи былина начинается зачином, который отсутствует в других записях. В третьей и четвертой записях после трех посрамлений следует мотив упрека оратая дружине.

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Киж)	от конца июля 1871 г. (Киж)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
1-4 5, 13	1-4 5, 13	1-4 5, 13

³¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91-95.

³² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 780-781.

³³ Там же. С. 749-753.

³⁴ Там же. С. 4-9.

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
3. "Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость:	
желание	6-9
неосуществимость желания	10-12
4. Сбор дружины	14-16
5. Дарение князем Владимиром трех городов	17-22
6. Выезд за данью	23-25
7. Выезд в чисто поле	26
8. Появление оратая:	
обнаружение оратая	27-30
поиск оратая	31-42
появление оратая:	
действия оратая	43-48
орудия труда	49-51
9. Диалог:	
приветствие Вольги	52-56
ответ оратая и вопрос	
о цели путешествия	57-62
ответ Вольги	63-67
похвальба оратая	68-79
приглашение Вольги	
оратаю ехать вместе	80-82
10. Сборы оратая	83-85
11. Отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле	86
12. Состязание в богатырской силе:	
просьба	87-94
испытание пяти богатырей	95-100
первое посрамление	101-107
испытание десяти богатырей	108-112
второе посрамление	113-116
испытание всей дружины	117
третье посрамление	118-121

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Кнжп)	от конца июля 1871 г. (Кнжп)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
6-9	6-9	6-9
10-12	10-12	10-12
14-16	14-16	14-16
17-21	17-21	17-22
22-24	22-24	23-25
25	25	26
26-29	26-29	27-30
30-39	30-39	31-39
40-45	40-45	40-45
46-48	46-48	46-48
49-52	49-52	49-52
53-57	53-57	53-58
58-62	58-62	59-63
63-74	63-74	64-75
75-78	75-78	76-79
79-83	79-81	80-84
84-86	82-83	85-87
	84-95	88-100
	96-102	101-107
	103-109	108-114
	110-112	115-118
	113-119	119-125
	120-124	126-130
	125-130	131-136

Мотивы	Запись П. Н. Рыбникова
победа оратая в состязании: упрек дружине демонстрация силы	122–128
13. Состязание конями и победа оратая: выезд в чисто поле помахивание Вольги колпаком обращение Вольги	129–133 134–135 136
14. Словесное состязание: обращение Вольги словесная победа оратая	137–138 139–144
15. Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги ответ оратая: представление героя в крестьянском труде называние имени	145–148 149–155 156–157

Из 24 мотивов в четырех редакциях дословно совпадают 14: мужание Вольги, желание Вольги приобрести чудесную мудрость и неосуществимость этого желания, сбор дружины, выезд за данью, выезд в чисто поле, обнаружение оратая, описание действия оратая и орудия труда, похвальба оратая, обращение и вопрос Вольги об имени, представление героя в крестьянском труде и называние имени.

Например, сравним содержание мотива сбора дружины Вольгой.

Первая редакция:

Избирал себе дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁵.

³⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91.

Записи А. Ф. Гильфердинга		
от 7 июля 1871 г. (Книж)	от конца июля 1871 г. (Книж)	от 4 декабря 1871 г. (Петербург)
	131–137 138–144	137–144 145–151
	145–149 150–151 152	152–157 158–159 160–161
87–90 91–97	153–156 157–163	162–165 166–171
98–101	164–167	172–175
102–108 109–110	168–174 175–176	176–182 183–184

Вторая редакция:

И сберал соби дружинишку хоробрую,
А он тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁶.

Третья редакция:

И сберал соби дружинишку хоробрую,
А он тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁷.

Четвертая редакция:

И сберал соби дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых³⁸.

³⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 781.

³⁷ Там же. С. 749.

³⁸ Там же. С. 4.

Орфографические и стилистические различия несущественны и могут быть объяснены текстологическими и методическими принципами записи былин.

Интересно совпадение в мотиве желания Вольги приобрести чудесную мудрость чередования эпитетов моря "глубокое" и "синее". Причем в записи у П. Н. Рыбникова это чередование "глубокое—синее", а в трех записях у А. Ф. Гильфердинга это чередование "синее—глубокое".

Запись первая:

Похотелоя Вольге много мудрости:
 Шукой—рыбою ходить ему в *глубоких* морях,
 Птицей—соколом летать ему под оболока,
 Серым волком рыскать во чистых полях.
 Уходили все рыбы во *синие* моря,
 Улетали все птички за оболока,
 Убегали все звери во темные леса³⁹.

Вторая и третья записи:

Похотелоя Вольгѣ—то много мудрости:
 Шукой рыбою ему ходить Вольгѣ во *сѣних* морях,
 Птицей соколом летать Вольгѣ под оболоки,
 Волком и рыскать во чѣстных полях;
 Уходили—то вси рѣбушки во *глубокія* моря,
 Улетали все птички за оболоки,
 Убегали то все звери за тѣмны леса⁴⁰.

Запись четвертая:

Похотелоя Вольгѣ да много мудростей:
 Шукой рыбою ходить Вольги во *сѣних* морях,
 Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
 Волком и рыскать во чѣстных полях;
 Уходили—то вси рѣбушки во *глубоки* моря,
 Улетали вси птички за оболоки,
 Убегали вси звери за тѣмны леса⁴¹.

³⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91.

⁴⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 749, 781.

⁴¹ Там же. С. 4.

Не совпадающие дословно мотивы различаются не по содержанию, а подробностью в их разработке. Мотив поиска оратая различается тем, что путь Вольги в первой записи продолжается три дня, а в остальных два. В мотиве ответа оратая и вопроса о цели путешествия в первой записи оратай обращается не только к Вольге, но и к его дружине:

Говорил оратай таковы слова:

"Поди-тко, Вольга Святославгович,

Со своею со дружинушкой хороброу,

Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовати!

Далеко ль, Вольга, едешь, куда путь держишь

Со своею со дружинушкой хороброу?"⁴²

В мотиве приглашения Вольги оратаю ехать вместе во второй, третьей и четвертой записях появляется дополнительная мотивировка этого приглашения ("Да поедем-ко со мною <...> ко тем к городам за получкою").

Во второй, третьей и четвертой редакциях в мотиве состязания в богатырской силе просьба оратая вынуть сошку носит личный характер ("Мне нечем будет молодцу крестьяновати"), тогда как в первой редакции просьба высказана в форме риторического вопроса.

Кроме того, в первой редакции мотив словесной победы оратая содержит ругательное обращение к Вольге, которое отсутствует в других редакциях:

Говорил оратай таковы слова:

"Глупый Вольга Святославгович!

Взял я кобылку жеребчиком с-под матушки

И заплатил за кобылку пятьсот рублей:

Этая кобылка коньком бы была,

За эту кобылку сметы бы нет"⁴³

⁴² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 91–92.

⁴³ Там же. С. 91.

В ряде мотивов (сборов оратая, отъезда Вольги с дружиной и оратая в чисто поле, испытания пяти богатырей, первого посрамления, испытания десяти богатырей, второго посрамления, испытания всей дружины, третьего посрамления, выезда в чисто поле, обращения Вольги с просьбой остановиться, обращения Вольги в словесном состязании) во второй, третьей и четвертой редакциях увеличивается количество строк за счет более подробной разработки мотивов.

Мотивы
1. Представление героя: происхождение выезд в чисто поле за "охотой"
2. Встреча с лебедушками
3. Угроза Петроя Петровича
4. Предостережение лебедушек: ответ обращение к богатырю рассказ о себе совет предсказание о встрече с вороном
5. Дума Петроя Петровича
6. Отказ от намерений
7. Выезд в чисто поле на пути в Киев
8. Исполнение предсказания: встреча с вороном описание ворона угроза ворону действием угроза ворону словом

Подобная устойчивость текста, которая проявляется прежде всего на уровне мотива, характерна и для былины "Королевичи из Крякова". Это может быть объяснено традиционностью и ясностью сюжета для сказителя. Сюжет былины "Королевичи из Крякова" в репертуаре Т. Г. Рябинина представлен двумя записями. Первая запись, сделанная П. Н. Рыбниковым, содержит 320 строк⁴⁴. Вторая запись была сделана 7 июля 1871-го года А. Ф. Гильфердингом и содержит 306 строк⁴⁵.

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
1-3	1-4
4-12	5-11
13-18	12-17
19-24	18-23
25-26	24-25
27-31	26-30
32-37	31-36
38-39	37-41
40-47	42-48
48-51	49-54
52-57	55-58
58-59	59-60
60-61	61-62
62-67	63-68
68-72	69-73
73-78	74-79

⁴⁴ Там же. С. 179-186.

⁴⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143-151.

Мотивы
9. Предупреждение ворона:
ответ
обращение к богатырю
совет
предсказание ворона
10. Дума Петроя Петровича:
дума
отказ от желания
11. Выезд в чисто поле
12. Поединок:
съезд богатырей
разъезд
второй съезд богатырей
бой палицами:
описание боя
оценка боя
сговор
бой копьями:
разъезд
съезд
описание боя
оценка боя
сговор
победа в рукопашном бою:
выполнение сговора
одоление одной рукой
угроза врагу
расспрос об имени
упрек:
обращение ругательное
обида
обида Петроя Петровича
повторение вопроса об имени
повторный упрек:
обращение ругательное
обида

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
79	80-81
80-91	82-91
92-97	92-97
98-109	98-109
110-120, 125-133	110-121, 126-134
121-124	122-125
134-137	135-137
138-143	138-144
144-145	145-146
	147-148
146-152	149-155
153-155	156-158
156-160	159-164
161-162	165-166
163	167
164-169	168-172
170-172	173-175
175-176	176-181
173-174	182-184
177-183	185-189
184-188	190-195
189-193	196-200
194-196	201-202
197-203	203-212
204-208	213-219
209-213	220-224
214-215	
216-223	

Мотивы
повторная обида Петроя Петровича Петрой Петрович третий раз спрашивает об имени ответ: обращение величальное называние своего имени рассказ об увозе воспитание выезд в Святую Русь
13. Признание родства
14. Отъезд домой
15. Приезд домой: богатыри сходят с коней Петрой быстро бежит в "палатку" Лука по двору "похаживает" Петрой Петрович приходит к матери
16. Обращение к матери и загадывание загадки
17. Недоумение матери: величание ответ матери рассказ о старшем брате
18. Разъяснение загаданного вопроса
19. Встреча старшего сына с матерью
20. Финальная формула завершения сюжета

Из 64 мотивов в двух записях совпадают 59, из них 29 дословно. Это такие мотивы, как встреча с лебедушками, угроза Петроя Петровича, ответ лебедушек, их обращение к богатырю и рассказ о себе, выезд Петроя Петровича в чисто поле на пути в Киев, встреча с вороном, описание ворона, угроза ворону действием и словом, совет и предсказание ворона, отказ Петроя Петровича от намерений, выезд в чисто

Запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
224-229	
230-234	
235-237	225-226
238-239, 243-247	227-233
240-242	234-236
248-251	237-238
252-255	239-242
256-262	243-251
263-268	252-256
269-270	257-258
271-272	259-260
273-276, 306-309	261-263
277-278	264-266
279-286	267-272
287-291	273-275
292-297	276-280
298-300	281-283
301-305	284-290
310-318	291-305
319-320	306

поле, разъезд богатырей перед боем, все мотивы боя копьями, повторение вопроса об имени побежденного, выезд богатырей на Святую Русь, приезд домой и приход к матери, рассказ матери о старшем сыне, разъяснение поведения Петроя Петровича. Сюжет быliny "Королевицы из Крякова" наиболее подробно разработан в варианте, записанном П. Н. Рыбниковым, за счет появления ряда мотивов, таких как мотив

повторного упрека, в который входят ругательное обращение и обида Луки Петровича, повторная обида Петроя Петровича и третий расспрос об имени побежденного. В отличие от записи А. Ф. Гильфердинга у П. Н. Рыбникова отсутствует мотив второго съезда богатырей в эпизоде поединка.

В несовпадающих дословно мотивах разночтения незначительны. Так, в первой записи Т. Г. Рябинин в мотиве обращения к матери и загадывании загадки называет ее имя — Настасья Васильевна, а во второй записи это происходит лишь в мотиве встречи старшего сына с матерью. Во второй записи в мотиве совета лебедушек появляется дополнительная мотивировка необходимости поездки в Киев, которая объясняется угрозой, нависшей над князем Владимиром:

Поезжай—ко ты в роздольице чисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владимиру:
А й Владимир князь он ест—то пьет и
проклаждается

И над собой незгодушки не ведает⁴⁶.

По-разному разработан мотив предупреждения во-рона. В варианте, записанном П. Н. Рыбниковым, впервые говорится об угрозе, нависшей над князем Владимиром и Киевом, приводятся слова "паленицы":

Ездит паленичица в чистом поле
На добром коне на богатырском,
Она кличет—выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Говорит—то паленица таковы слова:
"Ежели Владимир стольно—киевский
Не пошлет ко мне он поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю.

⁴⁶ Там же. С. 144.

Черных мужичков—то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу"⁴⁷.

В записи, сделанной А. Ф. Гильфердингом, в мотиве предсказания ворона высказывается угроза и Опраксии:

То ведь ездит поляничцо в чистом поли,
Она кличет выкликает поединщика,
Супротив себя да й супротивника,
Из чиста поля да что наездника:
Он не даст ли мне—ка если поединщика,
Из чиста поля да что наездника, —
Розорю я славной стольно Киев град,
Аще чернедь мужичков—то всех повырублю,
Все божьи церкви—то я на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да королевичной"⁴⁸.

Сравнительный анализ двух вариантов былины "Королевичи из Крякова" выявляет высокую степень сохранности текста, благодаря типичности эпических формул и широкому их использованию.

Сюжет былины "Михайло Потык" в эпическом наследии Т. Г. Рябина представлен тремя записями. Первый вариант былины, записанный П. Н. Рыбниковым, не закончен и содержит 23 строки⁴⁹. Вторая запись, сделанная П. Н. Рыбниковым, является наиболее полным вариантом и содержит 187 строк⁵⁰. Третий вариант сюжета, записанный А. Ф. Гильфердингом 27 ноября 1871 года в Петербурге, содержит 57 строк⁵¹.

⁴⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 181.

⁴⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 146.

⁴⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 146–147.

⁵⁰ Там же. С. 147–151.

⁵¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 110–111.

Мотивы	Первая запись П. Н. Рыбникова ⁵²
1. Поездка: поездка в орду (Литву) отношение короля и коро- левы к Михайле Потыку приезд к Пучай-реке "охота" Михайлы Потыка	1-2 3-6 7-8 9-10
2. Появление лебедушки	11-14
3. Разговор с татарами: обращение к татарам ответ татар	
4. Угроза лебедушке	15-19
5. Превращение лебедушки	20-22
6. Приветствие Потыка	
7. Обращение и наказ девушки	23
8. Исполнение наказа: возвращение в Киев крещение венчание возвращение домой	
9. Освобождение девушки из полона: выезд в чисто поле встреча с девушкой плач (жалоба) девушки освобождение из полона возвращение в Киев	
10. Разлад семейной жизни: ревность Марьи Лебеди пьянство Михайлы Потыка сватовство царского сына к Марье Лебеди новое замужество Марьи Лебеди	

⁵² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 146-147.

Вторая запись П. Н. Рыбникова ⁵³	Запись А. Ф. Гильфердинга ⁵⁴
1-9	1-2
10-13	3-9 10-11 12-13
14-16	14-17
17-20 21-28	
29-33	18-22
34-38	23-26
39-42	27-31
43-53	32-40
54 55-56 57-58	41-45 46-49 50-52 53-56
59-62 63-66 67-71 72-74 75-77	
78-81 82-84, 91-93	
85-88	
89-90	

⁵³ Там же. С. 147-151.

⁵⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 110-111.

Мотивы	Первая запись П. Н. Рыбникова
11. Попытка наказания за измену Марьи Лебеди: известие Ильи Муромца выезд в татарскую орду угроза Михайлы Потыка хитрость Марьи Лебеди	
12. Заточение Михайлы Потыка: приглашение на пир пир обман заточение появление сестры Федора Ивановича освобождение	
13. Наказание за измену: выезд царского сына с Марьей Лебедью на прогулку обращение Анны-королевичны к Михайлу Потыку встреча попытка нового обмана искушение Михайлы Потыка предупреждение царской дочери наказание Марьи Лебеди и Федора Ивановича	
14. Женитьба Михайлы Потыка на Анне-королевичне	
15. Сказовая формула завершения сюжета	

Былина "Михайло Потык" — единственная в репертуаре Т. Г. Рябинина, которая характеризуется малой устойчивостью сюжета: только 6 мотивов из 43 встречаются в трех записях: поездка в орду, отношение короля и королевны к Михайлу Потыку, появление

Вторая запись П. Н. Рыбникова	Запись А. Ф. Гильфердинга
94–103 104–109 110–117 118–127	
128–131 132–133 134–139 140–142 143–146 147–151	
152–155 156–163 164–165 166–173 174–175 176–179 180–183	
184–185	
186–187	57

лебедушки, угроза лебедушке, превращение лебедушки в девушку, обращение и наказ девушки. Для второго и третьего вариантов общими являются еще 5 мотивов: приветствие Михайлой Потыком лебедушки, возвращение в Киев, крещение, венчание и сказочная

формула, завершающая сюжет. Мотив приезда Михайлы Потыка к Пучай-реке и мотив желания поохотиться повторяются в первой и третьей записях. Интересно, что совпадающие мотивы различаются степенью разработанности. Например, мотив обращения и наказа девушки в первой записи представлен только одной строкой, которая завершает этот вариант былины:

Проязычила она языком человеческим...⁵⁵

Подробно разработан этот мотив во второй записи:

Говорит-то ему красна девица:

"Михайла Потык сын Иванович!

Не целуй меня, красну девушку:

Есть я роду неверного,

Есть я роду некрещеного.

Когда свезешь на славную святую Русь,

И будем во славном стольно-Киеве,

И сходим во матушку божью церкву,

И доставишь во верушку крещеную,

Тогда мы с тобой примем золоты венцы,

Тогда меня целуй, красную девушку"⁵⁶.

В третьей записи сохранены почти все элементы мотива, но они даны в ином речевом оформлении:

Говорила-то ему да красна девушка:

— Ты Михайла Потык сын Иванович,

Не целуй-ко ты меня да красной девушки!

А я девушка есть роду-то неверного,

Да й неверного есть роду некрещеная.

Ты когда меня сведешь да в стольнѣ-Киев град,

Да когда доставлешь в верушку крещоную,

Да й тогда с тобой мы повенчаемся,

Да й тогда с тобой мы нацѣлуемся⁵⁷.

⁵⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 147.

⁵⁶ Там же. С. 148.

⁵⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 111.

Третья запись былины заканчивается исполнением наказа: возвращением в Киев, крещением, венчанием и возвращением домой. Финал этого варианта былины благополучен. Михайло Потык и Марья Лебедь возвращаются домой после венчания и начинают счастливую семейную жизнь:

Выходили оны с матушки божьей церкви,
Шли по славному по городу по Киеву,
Во свою-то шли в полату в белокаменну,
Приходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во век любовь творить⁵⁸.

Вторая запись этой былины содержит в себе, по выражению В. Я. Проппа, трагедию: "...данная песня имеется в двух версиях: в одной все очень благополучно кончается браком, в другой следует трагедия"⁵⁹. По объяснению В. Я. Проппа, "песня не может закончиться браком, как это имеет место у некоторых певцов. Брак героя — обычный конец сказок, но не былин. Былинный сюжет требует продолжения. Браком кончается только первая часть песни, но не вся песня. <...> Канон древнего эпоса требовал, чтобы после женитьбы героя с его женой случилась беда"⁶⁰. Вторая запись былины осложнена ревностью Марьи Лебедь, бытовой реакцией героя на это — пьянством, изменой жены:

Усмотрела его молодая жена,
Прекрасная Марья Лебедь Белая,
Стала она да усомлятися,
Что "ездит мой муж по Киеву за б.....ы".
Михайла Потык сын Иванович
Уходил он на царев кабак,
Стал он упиваться в зелено вино.
На тую пору, на времечко
Из той из Литвы из поганой

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Прот В. Я. Русский героический эпос. С. 119.

⁶⁰ Там же.

Приехал царский сын Федор Иванович,
Стал он звать за себя Марью Лебедь Белую;
И пошла за него замуж Марья Лебедь Белая⁶¹.

В поединке Михайлы Потыка с прежней женой и ее новым мужем — "татаринном поганым, царским сыном Федором Ивановичем" — Потыку помогает "сестра родная, дочи царская, прекрасная Анна-королевична"⁶². Ее мудрость и любовь позволяют герою одолеть врагов:

И взяла-отняла его от стены прикована,
Стала его раночек кровавых заращивать,
Стала его, добра молодца, удабривать
И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царский сын Федор Иванович
Поехал с молодой женой,
С Марьею Лебедью Белою,
По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочи царская,
Прекрасная Анна-королевична
Говорит Михайлы Потыку сыну Иванову:
"Михайло Потык сын Иванович!
Поди-тко по нашему по городу:
Где сустигнешь сына царского
Со своей со прежней молодой женой,
Где их сустигнешь, тут и смерти предай"⁶³.

Далее "прекрасная Анна-королевична" предупреждает:

И говорит ему дочи царская:
"Михайла Потык сын Иванович!
Не пей-ка этой чары зелена вина:
Если выпьешь — и сам погинешь, и меня
сгубишь"⁶⁴.

⁶¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 149.

⁶² Там же. С. 150.

⁶³ Там же. С. 150—151.

⁶⁴ Там же. С. 151.

Заслуживает внимания оригинальная художественная разработка мотива встречи. Сказитель дает выразительное использование приема, который В. Шкловский назвал остраниением⁶⁵. Отправив Михайлу Потыка на встречу с прогуливающимися Марьей Лебедью и Федором Ивановичем, прекрасная Анна-королевична

сама за ним вслед пошла засматривать,
Как он насмотрел их, по царству едучись⁶⁶.

Происходит выразительное удвоение видения предмета: герой ищет соперника, героиня наблюдает его поиски.

В примечании к этой записи былины П. Н. Рыбников дает два отрывка, которые певец припомнил, "пропевши эту старину"⁶⁷. Первый пропуск должен следовать после 57-го стиха: он во многом определяет дальнейшее развитие сюжета в этом варианте. Это мотив установления заповеди:

Принимали они золоты венцы,
Оны заповедь великую покладали между собой:
Который-де из нас впереди помрет,
Живому с мертвым в один гроб леци,
На трое суток времени.
Стали жить да быть, долго здравствовать⁶⁸.

Второй пропуск содержит мотивы исполнения уговора, путешествия живого в царство мертвых и наказания жены-колдуньи, которые должны размещаться после 81-го стиха:

И сделалась она нездоровая,
И тут она скоро преставилась.
Михайла Потык сын Иванович

⁶⁵ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990.

⁶⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 151.

⁶⁷ Там же. С. 495.

⁶⁸ Там же.

Сковал три прута медных и три железных,
Сковал клещи железные
И приказал сколотить домовище великое,
Чтобы в одно домовище двоим лечи.
Говорил Владимир стольно-киевский:
"Михайла Потык сын Иванович!
Зачем берешь с собой три прутика медных,
Три железных и клещи железные?"
Ответ держал Михайла Потык сын Иванович:
"Ради того беру с собой прутья медные
и железные,
И клещи беру железные,
Чтобы к моему ко гробу не плавала змея
подземельная
И не точила бы мого тела белого".
Положили их в одно домовище
И спускали в могилу глубокую.
И ко тоему гробу приплывает змея
подземельная.
Тут Михайла Потык сын Иванович
Берет клещи он железные,
Прихватил тую змею подземельную,
И бил ю прутьямы медными,
И бил ю прутьямы железными.
И обвернулась она Марьей Белой Лебедью,
И давала заповедь великую
Не делать впредь никаких пакостей"⁶⁹.

Эти мотивы придают сюжету новый смысл: появляется борьба христианского эпического героя с язычеством, но в записанной былине эти мотивы остались без развития. Неустойчивость сюжета может быть объяснена тем, что данная былина является жанровой адаптацией сказочного сюжета. У сказителя были сложности в согласовании сказочной и былинной поэтики. Эту творческую задачу сказитель разрешал импровизацией, которая дала возможность существо-

⁶⁹ Там же. С. 495–496.

вания двух вариантов одного сюжета — счастливого (сказочного) и "трагического" (былинного, особенно если учитывать "пропущенные" места). Варианты былины показывают, что сказочные мотивы освоены другим жанром — былиной.

В целом для исполнительской манеры Т. Г. Рябина характерна высокая степень устойчивости текста, которая проявляется в полной мере на уровне мотива. Мотив является ведущим фактором стабильности текста. Вместе с тем, когда сюжет становится неустойчивым, неизбежно возникает импровизация.

Эпическая память имеет творческий характер. Она предполагает и сохранение традиции, и индивидуальную импровизацию.

Глава 3

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ"

Борьба со змеем — один из архаичных фольклорных сюжетов, в котором ярко выражены мифологические корни. Он представлен в мифологии и религии многих народов мира, практически во всех эпических традициях, особенно ярко — в христианском предании о Святом Георгии и в таких шедеврах мировой литературы, как "Песнь о Нибелунгах", "Тристан и Изольда", "Повесть о Петре и Февронии" и др.

Змей — один из самых многозначных символов мировой культуры. Определяя символическое значение образа змея, Вяч. Иванов пишет, что змей — "символ, связываемый с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом — с другой"¹. В его статье дан широкий обзор мифов и религиозных представлений о змее у народов Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии.

Сюжет былины "Добрыня и змей" хорошо и достаточно полно изучен в русской фольклористике. Анализу этого сюжета посвящены работы О. Ф. Миллера, Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера, А. П. Скафтымова, Н. П. Сидорова, В. Я. Проппа, В. Г. Смолицкого, Б. Н. Путилова, В. Н. Аникина².

¹ Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 468.

² Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом на-

В ряде работ уделяется большое внимание изучению исторических корней этого сюжета. Так, например, О. Ф. Миллер в сюжете былины видел отражение древнейшего мифа о борьбе солнца с тучами³. Ф. И. Буслаев, не отрицая того, что в основе былины лежит миф, говорит о прямой связи между Добрыней и великомучеником Георгием⁴. В. Ф. Миллер видел в былине отражение событий, связанных с крещением Руси⁵. В последующем эта точка зрения получила развитие. Так, Н. П. Сидоров говорит о религиозно-византийских символах, используемых в былине⁶.

Сравнительно-исторический анализ былины дан в IV главе книги В. Я. Проппа "Русский героический эпос". Рассматривая русский героический эпос эпохи "развития феодальных отношений", В. Я. Пропп вы-

родного русского эпоса. СПб., 1869; *Буслаев Ф. И.* Бытовые слои русского эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Т. CLIV. Отд. 2; *Миллер В.* Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. Т. 2. М., 1892; *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924; *Сидоров Н. П.* Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце: Из стилистических наблюдений // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. ст. М., 1931; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958; *Смолицкий В. Г.* Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; *Аникин В. П.* Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.

³ *Миллер О. Ф.* Илья Муромец и богатырство Киевское. С. 437.

⁴ *Буслаев Ф. И.* Бытовые слои русского эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Т. CLIV. Отд. 2. С. 203-239.

⁵ *Миллер В.* Экскурсы в область русского народного эпоса. С. 35.

⁶ *Сидоров Н. П.* Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце // Памяти П. Н. Сакулина. С. 259-266.

деляет группу сюжетов "герой в борьбе с чудовищами", среди которых называет былинку "Добрыня и змей". Этот сюжет он считает одним из лучших былинных сюжетов, представленных в репертуаре выдающихся сказителей. В. Я. Пропп выявляет исторические изменения в переосмыслении мифических чудовищ. В змее он видит "одно из наиболее ярких воплощений того зла, против которого в раннем русском эпосе ведется борьба"⁷.

Сравнительно-типологический анализ былин о змееборстве в русском и южнославянском героическом эпосе дан Б. Н. Путиловым. Для него змей — "классический фольклорный персонаж, представитель мира, враждебного человеку, таинственного и опасного"⁸. Б. Н. Путилов показывает трансформацию и исторические изменения в представлениях о змее, вскрывает "действительные исторические соотношения между эпическими героями" и обнаруживает "различные исторические пласты в эпической сюжетике"⁹. Говоря о русском эпосе, Б. Н. Путилов отмечает, что "в былинке змей, не потеряв своей архаической традиционной сущности, обретает и новую сущность. Старое и новое здесь соседствует, взаимопроникает, контрастирует"¹⁰. В образе змея Б. Н. Путилов выделяет "дуальную конструкцию, возникшую на почве столкновения двух представлений о змее, свойственных двум разным эпохам, которая становится эстетической доминантой для всей быliny. Двум главным функциям змея в былинке (хозяин воды и похититель людей) соответствуют два постоянных места, с которыми он связан, — река (море) и

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 180–181.

⁸ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 32.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 41.

горы"¹¹. Говоря о былине в целом, Б. Н. Путилов отмечает, что "дуальная система для данной формы сюжета изначальна"¹², она присутствует в характеристике персонажей и в вариантных описаниях поединков.

Сопоставительному изучению вариантов былины посвящена книга В. П. Аникина "Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов". Для исследования он выбрал 78 вариантов. В. П. Аникин дает их классификацию "на основе различия идейно-художественного развития традиционного сюжета"¹³.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Исследователь выделяет "три идейно-художественных компонента": сказочный, героико-богатырский и религиозно-духовный, на основе которых он предлагает две версии былинного сюжета — "сказочно-богатырскую" и "сказочную", определяет их историко-хронологическую соотнесенность, дает сопоставительный анализ с духовными стихами и апокрифами (С. 7–164).

Сказочно-богатырская версия состоит из четырех групп:

— первая "характеризуется цельностью и последовательностью сюжетного действия и его внутренних мотивировок: логика сказочного сюжета здесь преобразована в соответствии с героической идеализацией богатыря" (С. 104),

— вторая "обнаружила более сильную, чем в первой группе, сказочную трактовку сюжета" (С. 105),

— третья "по характеру сюжета сходна со второй группой, но эта группа вариантов <...> лишена элементов духовно-религиозной трактовки, однако свобода от них не устранила противоречий внутри сюжета" (С. 105),

— в четвертой "заметно стремление освободить сюжет от внутреннего противоречия посредством усиления героического начала в рамках сказочного сюжета" (С. 105).

Сказочная версия былины состоит из двух групп:

— первая "не содержит иной трактовки сюжета, кроме сказочной. Эта трактовка так сильна, что поглотила противоречившие ей в первой версии элементы богатырской и духовно-религиозной трактовки сюжета" (С. 106),

— вторая "отличается от первой только тем, что удержала в

Таким образом, многие формально-поэтические и непосредственно содержательные аспекты семантики былинного действия "Добрыни и змея" уже освещены в фольклористике. Однако ряд вопросов еще остается нерешенным. К их числу относится и вопрос о поэтике сюжета в конкретной эпической традиции. Обратимся к этой проблеме.

Мы уже выяснили, что мотив структурен, функционален, вариантен, представляет собой образную целостность, является "простейшей повествовательной единицей" сюжета, а сам сюжет — "сложной схемой" или "комплексом мотивов". Попытаемся с этой точки зрения проанализировать сюжет былины "Добрыня и змей" в эпической традиции Рябиных-Андреевых. В определении сюжета былины нет проблем: все однозначно понимают его как борьбу героя со змеем. Проблема состоит в том, что обычно большое внимание уделяется разделению сюжета на две части: первый и второй поединок Добрыни со змеем, и, как следствие, некоторыми исследователями дается обособленный анализ двух частей одного

себе более или менее сильные элементы духовно-религиозной трактовки сюжета и тем самым сохранила противоречия между общей сильной сказочной трактовкой действия и осмыслением отдельных положений и действий в религиозном духе" (С. 106).

Классификация, предложенная В. П. Аникиным, вызывает, на наш взгляд, возражение. Прежде всего в ней нет общего принципа: категории "сказочное", "героико-богатырское" и "религиозно-духовное" — все это явления разного эстетического порядка, и именно поэтому она бессистемна. Варианты былины в этой классификации настолько перетасованы, что теряется не только их эстетическое качество, но и художественная целостность. В одном сюжете, как правило, представлены разные с "историко-хронологической" точки зрения "компоненты", и при отсутствии художественной "чистоты" предложенная В. П. Аникиным классификация может быть только умозрительной, не учитывающей концепцию сюжета А. Н. Веселовского.

и того же сюжета. Так, определяя композиционные типы былин и соответствующие типы героев, Ю. И. Юдин рассматривает первую и вторую части былины "Добрыня и змей" в разных разделах второй главы книги "Героические былины". Первую часть былины он относит к композиционному "типу случайных дорожных встреч и приключений"¹⁴, вторую — к "сюжетам композиционного типа поездки с поручением князя или похода"¹⁵.

Поводом для такого восприятия сюжета былины было представление о двухчастном сюжете как контаминации, а также разделение сюжета во втором, третьем и четвертом поколениях эпической традиции сказителей Рябининых—Андреевых: "Распадение композиции на две части, как бы отдельные главы повествования, причем каждая имеет свою завязку и развязку, привело к тому, что некоторые сказители стали даже исполнять эти части, как отдельные былины, под заглавиями: «Первый бой Добрыни со змеем» и «Второй бой Добрыни со змеем»"¹⁶. Контаминация если и была, то произошла давно, и самые ранние записи былины, сделанные в разных регионах России, дают именно двухчастный сюжет (например, превосходная запись двухчастного сюжета представлена в сборнике Кирши Данилова). Исходя из сказанного выше будем рассматривать сюжет былины как двухчастный.

Работ, в которых бы анализировались мотивы былины "Добрыня и змей", нет. Вместе с тем можно встретить эпизодические выделения мотивов. Так, например, В. Я. Пропп говорит о "мотиве пленения

¹⁴ Юдин Ю. И. Героические былины. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петро-
заводск, 1948. С. 343.

змеем людей" и "мотиве освобождения пленных"¹⁷, но не выделяет другие мотивы. Ряд мотивов отмечен в указателе Л. А. Астафьевой, но ее классификация фрагментарна и бессистемна из-за отсутствия единого принципа определения и нерасчлененности значений категорий "мотив", "сюжетная ситуация", "повествовательное звено" (вариант: "сюжетное звено")¹⁸.

Один из традиционных эпических мотивов — происхождение героя. С него начинаются многие былины и мифы разных народов. Родословие открывает такие известные тексты, как священная история человечества в книге "Бытие" (V, 1–32), другие книги Ветхого Завета, Евангелия от Матфея (I, 1–17), входит в состав Евангелия от Луки (III, 23–38). Обычно, прежде чем представить героя, называют всех его предков. В сюжете былины "Добрыня и змей" мотив происхождения героя имеет важное значение: с него начинаются почти все былины о первом или о двух поединках Добрыни со змеем. Этот мотив по-разному разрабатывается сказителями. Примером подробной разработки мотива может служить начало былины "Добрыня купался — змей унес" из сборника Кирши Данилова:

Доселе Резань она селом слыла,
А ныне Резань словоет городом,
А жил во Резани тут богатый гость,
А гостя-та звали Никитою,
Живучи-та, Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку ево долга
Осталось житье-бытье богатство,
Осталось ево матера жена

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 203.

¹⁸ Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 200–229.

Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милая,
Как молоды Добрынюшка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила ево матушка грамоте учиться,
А грамота Никите в наук пошла,
Присадила ево матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хороbraю
Во те жары петровские¹⁹.

Сжатая разработка мотива представлена в сборнике под редакцией В. Ф. Миллера "Старина про Добрыню Микитьевича":

Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье осталось имение,
Все имение осталось малу детищу,
А по имени Добрынюшке Микитевичу²⁰.

В эпической традиции Рябиновых-Андреевых этот мотив разработан по-разному. У Т. Г. Рябина он представлен в десяти стихах:

Да й породила Добрыню родна матушка
Дай возростила до полного до возраста;
Стал молоденькой Добрынюшко Микитинец
На добром коне в чисто поле поезживать,
Стал он малых змеенышев потаптывать.
Приезжал Добрыня из чиста поля,
А й сходил-то как Добрынюшка с добра коня
И он шел в свою полату в белокаменну,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко родною ко матушке²¹.

¹⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 25.

²⁰ Там же. С. 44.

²¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 54.

Мотив происхождения героя у И. Т. Рябинина представлен в одиннадцати стихах:

Воспородила Добрыню родна матушка,
Ды й возростила й до полново до возрасту.
И молодой Добрынюшка Микитинец
Был удаленькой дуродный добрый молодец;
То он ездил в поле за охотою,
Он стрелял там в поли гусей-лебедей,
И стрелял серых перелетных утенышков,
И он проездил-то в раздольици в чистом поли,
И во чистом поли ды на добром кони,
А й ще целый день с утра и до вечера.
Тут проездед та й Добрынюшка по другой раз...²²

Разработку этого же мотива в восьми стихах можно обнаружить в былине "Первый бой Добрыни со змеем" у И. Г. Рябинина-Андреева:

Как спородила ль Добрыню родна матушка,
А возростила й до полного й до возрасту.
Молодой Добрынюшка Мекитинец
Разудалый дуродный был он молодец,
А ездил в раздольицо в чисто поле
А он в поле ездил за охотою.
Как проездил молодец по день поры
А проездил молодец по другой день²³.

А у П. И. Рябинина-Андреева этот же мотив выражен всего в шести стихах:

Как спородила й Добрыню родна й матушка,
Да й возростила да й до полного да й возраста.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он охоч был ездить в поле й за охотою,
Да й стрелять он в поле гусей-лебедей,
Серых малых перелетных утенышей²⁴.

²² Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 140-141.

²³ Былны И. Г. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 117.

²⁴ Онежские былины // Летописи. М., 1948. Т. 13. С. 449.

Из сказанного следует, что разработка мотива во многом зависит от сказителя. Возможно ли объединение нескольких мотивов в одном? Да, это может быть вызвано контаминацией мотивов, неразработанностью некоторых из них или включением одних мотивов в состав других.

Мотив структурен: в его состав входят родословие героя, молодецкие забавы Добрыни и его возвращение к матери. Родословие героя у Рябиновых-Андреевых обладает устойчивой формульностью. Это единственное двустипийное, которое с незначительными вариациями сохраняется у всех сказителей:

Да й (как) спородила Добрыню родна матушка
Да возростила до полного до возраста.

Мотив вариантен: за редким исключением дословные совпадения незначительны. В данном случае это особенно наглядно в развитии мотива молодецких забав (и очевидно в других случаях). В целом мотив происхождения героя функционален: он не только представляет героя, но и вводит слушателя в развитие действия (молодецкие забавы и возвращение к матери).

Особая проблема — развитие мотива, его "сокращение" и "расширение". Возможно и объединение нескольких мотивов в одном, и разложение одного мотива на ряд составляющих.

Обычный тип связи мотивов в сюжете — сочинение (последовательное соединение), но в образной нерасчлененности мотивов может возникать и подчинение, которое проявляется в иерархии мотивов. Например, иерархия мотивов легко обнаруживается в изображении второго поединка Добрыни со змеем. В состав былины, записанной от Т. Г. Рябина, входят такие мотивы, как сборы, прощание с матерью, выезд, возвешение Добрыней о своем приезде в чисто поле, заминка коня, выявление чудесных свойств ко-

ня и одоление змеенышей, снаряжение для поединка, проникновение в "норы змеиные", обнаружение полона, нахождение Забавы и змея, обращение к Забаве, вызов змея на поединок, упрек Добрыни. В варианте былины, записанной от Леонтия Гавриловича Тупицына в г. Барнауле²⁵, в состав второго боя Добрыни со змеем входят мотивы: выезд в чисто поле, прилет змея, угроза змея Добрыне, поединок Добрыни со змеем, освобождение княгини Апраксии. В варианте, записанном от И. Г. Рябинина-Андреева, в эпизоде второго поединка Добрыни со змеем представлены такие мотивы, как выезд Добрыни в чисто поле, возвешение Добрыней о своем появлении, одоление змеенышей и выявление богатырской мощи коня, снаряжение для поединка, проникновение в нору змеиную и преодоление преград, обнаружение полона, обнаружение змея и Забавы Путятичны, обращение к Забаве, вызов змея и ответный вызов Добрыни.

Как видно из вышесказанного, в состав общего мотива второго поединка Добрыни со змеем входит достаточно много мотивов. Между главным мотивом и его составляющими возникают иерархические отношения. Анализ сюжета по мотивам показывает, что наполнение общего мотива составляющими может быть разным.

Поскольку мотив структурен, он, как правило, разлагается на ряд действий. Он может быть выражен в одной фразе, а может быть разработан подробно — разложен на ряд последовательных действий. Например, в записи Т. Г. Рябинина мотив выезда Добрыни в чисто поле представлен двумя стихами:

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он поехал по роздольцу чисту полю²⁶.

²⁵ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 28–37.

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 64.

А в записи Ивана Фепопова в сборнике Гильфердинга он представлен в девяти стихах и может быть разложен на составляющие его действия:

А й садился—то Добрыня на добра коня.
Этта видли добра молодца ведь сядучись,
А й не видли ведь удалого поедучись.
Поезжает он дороженьку—ту ведь дальнюю,
Приезжает—то Добрынюшка скорым—скоро,
Становил коня да во чистом поли
И он вязал коня да ко сыру дубу,
Сам он выходил на тое ли на место на условное²⁷.

Или, допустим, у Т. Г. Рябикина — формула движения в пути:

Еще день за день как будто дождь дождит,
Да й неделя за неделю, как река, бежит:
То он в день едет по красному по солнышку,
А он в ночь едет по светлому по месяцу²⁸.

Сокращенный вариант формулы движения в пути записан от И. Т. Рябикина:

А ще й день за день и будто й дождь дождит,
И та неделька за недельку што река бежит²⁹.

У И. Г. Рябикина—Андреева формула движения также представлена в сжатом виде:

Он ведь едет раздольцем чистым полем
Коротает путь—дорогу во чистом поли³⁰.

За такой разработкой мотива стоят индивидуальные склонности, поэтический дар каждого сказителя.

Говоря о сюжете былины "Добрыня и змей", необходимо отметить, что многие мотивы обладают эпической этикетностью: сборы, совет с матерью перед поединком, отъезд Добрыни в "чисто поле".

²⁷ Там же. Т. 1. С. 547.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 56.

²⁹ *Ляцкий Е.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 142.

³⁰ Былины И. Г. Рябикина—Андреева. С. 68.

Структура мотива иерархична. Есть главные и подчиненные мотивы. В разных записях один и тот же мотив может быть и главным, и второстепенным. Состав главных и второстепенных мотивов в каждой записи сюжета индивидуален, но сохраняет тенденцию к устойчивости в рамках одной эпической традиции.

Результаты анализа поэтики сюжета былины "Добрыня и змей" могут быть представлены в виде таблицы. В первой колонке даны главные и подчиненные мотивы. Под цифрами указаны главные мотивы, которые являются ведущими (или "порождающими") в данном сюжете и в полной мере обладают

признаками мотива по Веселовскому — имеют образную целостность и завершенность. Многие из этих мотивов имеют свои составляющие — подчиненные мотивы. Они могут быть более или менее разработанными. В вариантах былины, записанных от других сказителей, встречается и более полная и обстоятельная разработка этих мотивов, но в эпической традиции Рябининых-Андреевых их состав именно таков. Во второй, третьей, четвертой и пятой графах указаны пронумерованные стихи в записях былины от Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина, И. Г. Рябинина-Андреева, П. И. Рябинина-Андреева, которые определяют границы мотивов. Свободные позиции означают отсутствие мотива в записи от данного сказителя.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Происхождение героя: родословие	1-2
молодецкие забавы	3-5
возвращение к матери	6-10
2. Запрет матери: обращение к Добрыне	11-13
запрет	14-29
3. Нарушение запрета: ослушание	30-33
сборы в "чисто поле"	34-46
выезд	47-48
приезд в "чисто поле" или в горы	49-50
"охота" Добрыни	51-54
путь к Сорочинским горам	55-61
топтанье змеенышей	62-64
заминка коня и ее преодоление	65-67
возвращение в Киев	68-76

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
1-4 5-11	1-2 3-8	1-2 3-6
12-18 19-39		7-8 9-18
40-41 42-48 49 50-52 53-56 57-64 65-68, 74-79 69-73 80-85		19-20 21-41 42-48 49 50 51-54, 59-64

Мотивы	Т. Г. Рябинин
воспоминание о запрете матери поездка на Пучай-реку приезд купание: "охота" Добрыни и исполнение желания совет девушек ответ Добрыни купание	77-79 80-84 85-88 89-97 98-102 103-108
4. Первый поединок Добрыни со змеем: появление змея угроза змея возвращение на "свой" берег воспоминание о материнском запрете нападение змея отсутствие оружия обнаружение оружия нанесение удара падение змея	109-117 118-126 127-131 132-139 140-144 145-154 155-157 158-160 161-167
5. Победа (первая): мольба змея о пощаде и предложение уговора заключение договора обряжение в праздничные одежды выезд и наблюдение за змеем	168-176 177-182 183-187 188-191
6. Похищение Забавы Путятичны	192-196
7. Возвращение в Киев	197-210
8. Пир у князя Владимира: хождение Добрыни по пирам обращение князя Владимира с поручением молчание богатырей снаряжение посольств Михайло Потыка и Ильи Муромца	211-215 216-228 229-232 233-254

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин- Андреев	П. И. Рябинин- Андреев
86-88 89-90		55-58 65-69 70-72
91-95 96-106 107-110 111-121		73-75 76-83 84-89 90-96
122-126 127-134 151-154, 159		97-101 102-110 119-120
135-150 155-158 160 161-162 163-167 168-172		116-118 111-115 121 122 123-126 127-131
173-184 185-192 193-197 198-199		132-139 140-144 153-156
200-211		145-152
212-238		157-170
	9	
	10-28 29-36	
	87-107	

Мотивы	Т. Г. Рябинин
9. Поручение: совет Алеши Поповича поручение кручина Добрыни и возвращение домой	255-269 270-283 284-294
10. Совет Добрыни с матерью: вопрос матери ответ Добрыни совет матери исполнение совета	295-301 302-318 319-322 323-326
11. Второй поединок Добрыни со змеем: сборы прощание с матерью выезд возвещение о приезде заминка коня выявление чудесных свойств коня и одоление змеенышей снаряжение для поединка проникновение в "норы змеиные" обнаружение полона нахождение Забавы и змея обращение к Забаве вызов змея упрек Добрыни	327-344 345-353 354-361 362-364 365-367 368-386 387-398 399-406 407-416 417-419 420-427 428-440 441-446
12. Победа (окончательная): увод Забавы освобождение "полонов" магическое запирание змея в норе	447-449 450-457
13. Возвращение Добрыни в Киев	458-469
14. Финальная формула завершения сюжета	470

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин- Андреев	П. И. Рябинин- Андреев
	37-61 62-86 108-115	
	116-123 124-143 144-150 151-155	
	156-184 185-193 194-196 197-199 200-204 205-217 218-225 226-235 236-240 241-244 245-250 251-254 255-264	
	265-280 281-288 289-308	
239	309	171

В результате анализа сюжета можно выделить устойчивые (или ведущие) мотивы: происхождение героя, запрет матери, нарушение запрета матери, первый поединок Добрыни со змеем, первая победа Добрыни над змеем, похищение Забавы Путятичны, возвращение в Киев, пир у князя Владимира, поручение Владимира, совет Добрыни с матерью, второй поединок Добрыни со змеем, вторая (окончательная) победа Добрыни над змеем, возвращение Добрыни в Киев, финальная формула завершения сюжета. Ведущие мотивы представлены у всех Рябининых-Андреевых. Они обязательны почти во всех записях былины от других сказителей и характеризуют сюжет былины "Добрыня и змей". В таблице показана также и структура мотивов, особенно таких, как происхождение героя, запрет матери, нарушение запрета, первый поединок Добрыни со змеем, первая победа Добрыни, пир у князя Владимира, поручение князя, совет Добрыни с матерью, второй поединок Добрыни со змеем, окончательная победа Добрыни.

Составляющие мотивы могут становиться ведущими, это зависит от того, какое значение им придает сказитель. Сравнительный анализ вариантов позволяет выявить высокую степень сохранения составляющих мотивов в эпической традиции, но это творческое сохранение: порождающие мотивы у каждого сказителя получают разное воплощение.

Изменения последовательности мотивов незначительны. Так, в разной последовательности располагаются мотив воспоминания о запрете матери купаться в Пучай-реке и мотив нападения змея на Добрыню. Иногда это вызвано разделением сюжета на две части. Например, в мотиве пира у князя Владимира в записи И. Г. Рябинина-Андреева происходит перестановка мотивов снаряжения посольств Михайло Потяка и Ильи Муромца и совета Алеши Поповича,

в которых дается краткий пересказ содержания первой части былины (первый поединок Добрыни со змеем).

Функция у мотивов может быть разная. Так, например, переосмыслен мотив поручения в записи от И. Г. Рябина-Андреева. Традиционное словесное обращение князя Владимира к Добрыне сказитель заменяет выразительным и знаменательным жестом: князь Владимир подносит Добрыне "чарочку", которую герой принимает и тем самым соглашается исполнить поручение князя. По-разному осмысливался и мотив заминки коня. Издревле это предвестие злых и враждебных человеку сил. В этом сюжете он предвещает появление змея. П. И. Рябинин-Андреев переосмыслил этот мотив как нанесение ущерба герою:

А ведь эти малы лютые змееныши
Подточили Добрынино добро копьё,
Ему резвы ноженьки по щеточкам...³¹

Здесь заминка коня — признак его усталости от ратных подвигов. Добрыня вспоминает о совете матери и преодолевает "заминку" коня с помощью магических средств:

Там берет он в руку плеточку шелковую,
А он бил коня сперва между ушей,
А потом меж ноги, ноги задняя,
А он бил коня, сам приговаривал:
— "Ай ты, волчья сыть, ты, травяной мешок!
Ты везти не хошь али итти не мошь?.."
У Добрыни добрый конь да стал поскакивать,
Стал от ног змеенышей отряхивать³².

С творческим переосмыслением мотива окончательной победы связано появление нового составляющего мотива запирания Добрыней змея в норе, что

³¹ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 450.

³² Там же.

произошло в варианте И. Г. Рябинина–Андреева, где этот мотив предстает магическим обрядом, состоящим из трех действий: запираания "дверьми железными", "запорами медными" и своим словом:

А теперь ты, змеище, ведь там сиди.

Не бывать тебе, змеи, да й на белом свети.

Не видать тебе, змея, да света белого,—

Не видать тебе да солнца красного³³.

Предложенный анализ поэтики сюжета былины позволяет подойти к решению одной из важнейших задач исторической поэтики — "определить роль предания в процессе личного творчества"³⁴, т. е. роль индивидуального и традиционного в сохранении эпических преданий, а также выяснить, каким образом мотивы приобретают новые художественные смыслы.

³³ Былны И. Г. Рябинина–Андреева. С. 70–71.

³⁴ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. С. 300.

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "ВОЛЬГА И МИКУЛА"

Сюжет былины "Вольга и Микула", по признанию многих исследователей, оригинален и принадлежит к числу редких. Он распространен в основном на территории Обонежья. Известны публикации семнадцати вариантов этой былины. Исследованию былины "Вольга и Микула" посвящены работы М. Н. Сперанского, В. Я. Протта, Ф. М. Селиванова, Д. М. Балашова, Т. А. Бернштам и многих других¹.

Первые исследователи былины обратили внимание на тождественность образов Вольги и Волха. Так, М. Н. Сперанский писал, что "обе былины в настоящем своем виде представляют каждая уже результат сводки (контаминации) нескольких когда-то отдельно существовавших песен: о хитром, необыкновенном охотнике, о поездке богатыря и завоевании им чужого царства, песни о чудесном пахаре, рассказ о необыкновенном рождении богатыря, может быть навеянный желанием дать начало жизнеописанию

¹ Сперанский М. Н. Вольга (Волх) и Микула // Русская устная словесность: В 2 т. М., 1919. Т. 2. С. 3–6; Протт В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 374–387; Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ: Филология. Серия Х. М., 1969. № 3. С. 30–41; Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селяннович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т. XV. С. 27–54; Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка!" // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 119–128.

чудесного охотника"². М. Н. Сперанский возводит происхождение Вольги "к известному по летописным преданиям князю Олегу «вещему» (т. е. мудрому, хитрому); основой этого сближения служило, может быть, сходство типов князя Олега, уже давно попавшего в предание именно с чертами «вещего», и хитрого, необыкновенного охотника; может быть, была и еще большая аналогия: о грандиозных «ловах» Олега (и его эпического двойника княгини Ольги) были также сказания, как можно заключать по летописным преданиям: это сходство типов и преданий и дало имя первоначально безымянному охотнику. От этих сказаний об Олеге идет наслоение и дальнейшее: Вольга-охотник получает черты князя-дружинника, едущего собирать дань — «полюдие», каковым он является в песне о встрече с чудесным пахарем. Таким образом, на этой почве же произошла контаминация песни об охотнике с песней о князе-дружиннике, собирающем дань и встречающемся с Микулой"³. Точка зрения М. Н. Сперанского на былинку "Вольга и Микула" как контаминацию двух сюжетов считается общепринятой⁴.

Большинство современных фольклористов рассматривают эту былинку в социально-политическом аспекте. Наиболее полно он разработан В. Я. Проппом в книге "Русский героический эпос". Отрицая мифологическую и вульгарно-социологическую интерпретации былины, В. Я. Пропп считал, что наиболее точно былина проанализирована М. Горьким, который "видел, что народный смысл былины состоит в

² Сперанский М. Н. Вольга (Волх) и Микула // Русская устная словесность. Т. 2. С. 3.

³ Там же.

⁴ См.: Черняева Н. Г. Примечания // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 264–265.

противопоставлении пахаря и князя"⁵. В. Я. Пропп понимал Вольгу как "ярко выраженный образ феодала-крепостника, отправляющегося выжимать из своих подчиненных «получку»", как "воплощение насилия и порабощения"⁶. В образе Микулы олицетворен идеал крестьянского труда. По мнению В. Я. Проппа, "основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличивании крестьянина. <...> Содержанием песни служит осуждение феодального князя, крупного землевладельца и властителя"⁷.

Анализу былины в социально-политическом аспекте посвящена статья Ф. М. Селиванова "Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе)". Соглашаясь с тезисом М. Н. Сперанского, что Вольга и Волх — один и тот же эпический герой, Ф. М. Селиванов видел отличие сюжета о Вольге и Микуле от сюжета о чудесном охотнике Вольге (Волхе) и его походе в Индейское царство в том, что Вольга "переместился на отрицательный полюс"⁸. В основе же сюжета Ф. М. Селиванов видит "противопоставление в социальном плане: человек, связанный с трудом, с землей, с народом, неизмеримо выше князя, того самого князя, который когда-то затмил солнце"⁹.

Несогласие с рядом положений В. Я. Проппа, которых придерживается Ф. М. Селиванов, выразил Д. М. Балашов. Так, отрицая тезис В. Я. Проппа о противопоставлении в былине князя и мужика, он рассматривает Вольгу и Микулу как воплощение

⁵ Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 375.

⁶ Там же. С. 378.

⁷ Там же. С. 387.

⁸ Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ: Филология. Серия Х. М., 1969. № 3. С. 40.

⁹ Там же.

двух культурных предков разных времен¹⁰. Оспаривая тезис В. Я. Проппа о возвеличивании крестьянского труда, Д. М. Балашов дает другую интерпретацию текста. Исследователь пишет: "Он (Микула. — О. 3.) пашет один — ибо он тот, кто изобрел пахоту. Он собирает урожай один — ибо учит всех этому занятию. Он поит всех один — ибо прочие еще не умеют делать хмельной напиток"¹¹. Д. М. Балашов писал, что Вольга "тут моложе, ибо он прикреплен уже к Киевскому княжескому дому и, возможно, конкретным деятелям русской истории, например вешему Олегу"¹². Микула же — "податель земледелия, «селянинович», т. е. глава сельской пашенной Руси"¹³. Далее Д. М. Балашов возводит образ Микулы Селяниновича к "герою-предку народа-землепашца"¹⁴.

Одним из последних исследований былины "Вольга и Микула" является статья Т. А. Бернштам, в которой анализируются этногеографическая характеристика распространения текста, сказители былины и ее изводы, сюжет произведения¹⁵. В сюжете былины Т. А. Бернштам выделяет следующий блок мотивов, характерных для Т. Г. Рябинина:

- 1 Рождение — мужание Вольги
- 2 Сбор Вольгой дружины
- 3 Владимир жалует Вольгу тремя городами
- 4 Вольга слышит оратая — три дня не может догнать
- 5 Описание пахоты (и кобылы)

¹⁰ Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селянинович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Т. XV. С. 49.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка!" // Фольклор и этнографическая действительность. С. 119–122.

- 6 Описание сохи
- 7 Вольга говорит о цели поездки
- 8 Микула рассказывает о поездке за солью и драке с мужиками
- 9 Приглашение Вольги ехать вместе
- 10 Микула опасается за брошенную соху
- 11 Дружина не может поднять соху
- 12 Микула забрасывает соху
- 13 Состязание в скачке: диалог о кобыле Микулы
- 14 Вольга спрашивает об имени-отчестве Микулы
- 15 Ответ Микулы: снимет урожай — наварит пива — угостит мужиков — они его славят"¹⁶.

По мнению Т. А. Бернштам, "постоянные мотивы у всех сказителей — 5, 7, 8, 15"¹⁷, а "неустойчивые — отношения Вольги и Микулы, а также их «предыстории». Например. Мотивы 10 — 12 («испытание сохой»): Микула сам «распрягает» и оставляет соху (в одной из поздних версий Трофима Рябинина); за соху опасается Вольга или он же ее и «закидывает за ракитов куст» (П. И. и К. Г. Рябиныны-Андревы); у Касьянова-сына и Аксенова этих мотивов нет. Мотив 13 («состязание в скачке»): у Ряб.-Андр., Касьянова-сына, Пашковой и Ледкова мотива нет. Мотивы 16 — 18 (концовка И. А. Касьянова): Микула бросает «крестьянствование» и уезжает с Вольгой «в города» или оставляет его по дороге в скачке (оба Касьяновы, Аксенов, Денисов, Захаров, Ледков); «они купили соли и чего-то» (К. Г. Рябинин-Андреев)"¹⁸. Автор также ставит и обсуждает вопросы о том, кто такой Микула, зачем он пашет "таку пашню великую" и как истолковать его имя "Микула"¹⁹.

¹⁶ Там же. С. 122.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 123–126.

Вместе с тем количество постоянных мотивов не ограничивается теми, которые называет Т. А. Бернштам. Вообще, можно сказать, что Т. А. Бернштам выделяет блок мотивов, который недостаточно полно характеризует сюжет былины, не раскрывает сложные структурные взаимоотношения отмеченных мотивных единиц. Не указаны некоторые постоянные мотивы, характеризующие сюжет былины. Так, например, совершенно утрачены главные мотивы: состязание в богатырской силе, состязание конями и словесное состязание Вольги и Микулы.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Происхождение героя: родословие мужание Вольги	1-4 5, 13
2. "Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость: желание неосуществимость желания исполнение желания	6-9 10-12
3. Дарение князем Владимиром трех городов	17-22
4. Сбор дружины	14-16
5. Выезд за данью	23-25
6. Выезд в чисто поле	26
7. Появление оратая: обнаружение оратая поиск оратая появление оратая: действия оратая орудия труда	27-30 31-39 40-45 46-48

В анализе сюжета былины от П. И. Рябинина-Андреева отсутствует мотив, который Т. А. Бернштам называет так: "за соху опасается Вольга или он же ее и «закидывает за ракитов куст»". Т. А. Бернштам делает непонятное замечание, говоря, что мотива "состязание в скачке" у Ряб.-Андр. <...> нет", хотя этот мотив есть в сюжете у всех представителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

В приводимой ниже таблице предлагается другая схема сюжета "как комплекса мотивов".

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
1-4 5, 13	1-4 5, 13	1-5 6
6-9 10-12	6-9 10-12	17-20
14-20 21-24	14-19 20-23	11-16 7-10
25-26 27-29		
30-34 35-48	27-30 31-45	23-26 27-35
49-50, 54-56 51-53	46-53	36-42 43-45

Мотивы	Т. Г. Рябинин
8. Диалог: приветствие Вольги ответ оратая и вопрос о цели путешествия ответ Вольги похвальба оратая приглашение оратаю ехать вместе	49–52 53–58 59–63 64–75 76–79
9. Сборы оратая	80–84
10. Отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле	85–87
11. Состязание в богатырской силе: просьба испытание пяти богатырей первое посрамление обращение пяти богатырей к оратаю испытание десяти богатырей второе посрамление возвращение к Вольге обращение десяти богатырей к оратаю испытание всей дружины третье посрамление возвращение к Вольге обращение всей дружины испытание Вольги посрамление Вольги и дружины возвращение Вольги к оратаю обращение Вольги к оратаю победа оратая в состязании: упрек дружине демонстрация силы	88–100 101–107 108–114 115–118 119–125 126–130 131–136 137–144 145–151
12. Состязание конями и победа оратая: выезд в чисто поле помахивание Вольги колпаком обращение Вольги	152–157 158–159 160–161

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
57–61	54–55	46–48
62–69 70–75 76–89 90–93 94–96		49–52 53–58 59–66 67–68 69–70
97–98		71–72
99–112 113–118 119–125		73–81 82–83 84–87
126–131 132–138		88–93 94–96 97–100 101
139–141 142–149		102–107 108–113 114–121 122 123–125 126–131 132–136 137 138–142
150–155 156–163		143–145 146–151
164–167 168–169 170		152–154 155–156 157–158

Мотивы	Т. Г. Рябинин
ответ оратая остановка оратая, Вольга нагоняет оратая	
13. Словесное состязание: обращение Вольги словесная победа оратая	162–165 166–171
14. Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги ответ оратая: представление героя в крестьянском труде называние имени	172–175 176–182 183–184

При анализе былины можно выделить следующие устойчивые мотивы: происхождение героя, "охота" Вольги приобрести чудесную мудрость, дарение князем Владимиром трех городов, сбор дружины, выезд за данью, выезд в чисто поле, появление оратая, разговор Вольги и оратая, сборы оратая, отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле, состязание в богатырской силе, состязание конями и победа оратая, словесное состязание и открытие имени героя. Эти мотивы представлены почти у всех сказителей эпической традиции Рябининых–Андреевых.

В эпической династии Рябининых–Андреевых в первых трех поколениях почти дословно совпадают мотивы происхождения героя и "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость. Начало былины в записи от Т. Г. Рябинина выглядит так:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадое милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть матереть,
Похотелось Вольги да много мудростей:

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
		159
171		160–163
172–175 176–180	56–59 60–65	164–167 168–173
181–184		174–177
185–190 191–192		178–183 184–185

Щукой рыбою ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили–то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.
Стал Вольга он растеть матереть²⁰.

Сравним с началом былины, записанной от И. Т. Рябинина:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да й переставился.
Оставалось ево да й чадое милое,
Молодой Вольга да Святославович.
Стал Вольга растеть–матереть,
Похотелось Вольге да много мудростей:
Щукой–рыбою ходить ему во синних морях,
Птичкой–соколом летать да под оболоки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили–то все рыбушки в глубокие моря,
Улетали–то все птички под оболоки,

²⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 4.

Убегали—то все звери во темные леса.
Стал Вольга растеть—materеть²¹.

И. Г. Рябинин—Андреев начинал свою былину так:

Жил Святослав дивяносто лет,
Жил Святослав и представилса.
Оставалось от него да й чадо й милое,
Молодой Вольга да Святославгович,
Стал Вольга ростеть—materеть,
Похотелось и Вольги да много мудростей,
Щукой—рыбою ходить да во глубоких морях,
Птицей—соколом летать ему й под оболочки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили все рыбушки в глубокие моря,
Улетали все птицы под оболочки,
Убязали все звери во темны леса.
Стал Вольга ростеть—materеть²².

В результате сравнения трех начал былины мы видим, что они почти дословно совпадают. Их различия лишь в языке и ритме. Они незначительны. Почти дословно совпадает и мотив открытия имени победителя в первом, втором и четвертом поколениях сказителей:

Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославгович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу.
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликивати:
— Ай ты молодой Микулушка Селянинович!²³

²¹ *Ляцкий Е.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 136.

²² Былины И. Г. Рябинина—Андреева. С. 115.

²³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 9.

Говорит оратай оратаюшко:

«Ай же ты, Вольга Святославгович!

«А я ржи напашу и во скирды складу,

«И домой выволочу, и дома выколочу,

«А и драни надеру, да и пива наварю,

«Пива наварю и мужичков напою,

«Тогда станут мужички меня покликивати:

«Ты молодой Микулушка Селянинов!»²⁴

Говорит тут оратай-оратаюшко:

— "Ай же Вольга да й Святославьевич!

Я ржи напашу, домой выволочу,

Домой выволочу да й дома вымолочу,

Муки намолю-натолку да я й пива наварю,

Пива наварю да й мужичков напою;

Станут мужички меня й похваливати:

"Что хорош был Микулушка Селянинович!"²⁵

Почти все мотивы, как и в сюжете былины "Добрыня и змей", структурны: таковы мотивы происхождения героя, "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость, появления оратая, разговора Вольги и оратая, состязания в богатырской силе, состязания конями и победы оратая, словесного состязания и открытия имени героя.

Особенность сюжета былины — это двойная аргументация ряда мотивов. Так, например, в записях от Т. Г. и И. Т. Рябининых дана двойная мотивировка отъезда Вольги: выезд за данью и выезд в чисто поле. Они связаны с мотивами "охоты" Вольги приобрести чудесную мудрость и дарением князем Владимиром трех городов, что свидетельствует о контаминации двух разных сюжетов о Вольге-Волхе.

²⁴ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 140.

²⁵ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 418.

Мотивы выезда за данью и в чисто поле в записи от Т. Г. Рябинина:

Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле²⁶.

В записи от И. Т. Рябинина:

Садилась на добрых коней поехали
По этим городам да за получкою.
Молодой Вольга да Святославгович
Й он повыехал в раздолье в чисто поле
Со своей дружинушкой хороброю²⁷.

У каждого сказителя может быть своя последовательность мотивов, могут появляться новые составляющие мотивы, возникновение которых связано с творческим переосмыслением сюжета былины. Например, в записи от П. И. Рябинина-Андреева в устойчивом мотиве "охоты" Вольги появляется новый составляющий мотив — исполнение желания, в итоге происходит усиление силы Вольги, что также возвышает победу Микулы в соперничестве с Вольгой:

Научился Вольга много мудрости —
Щукою нырять да й в глубоких морях,
Птицею летать по синим облакам,
Серым волком рыскать во чистых полях²⁸.

В мотив состязания в богатырской силе П. И. Рябинин-Андреев вводит новые составляющие: обращение пяти богатырей к оратаю, возвращение десяти богатырей к Вольге, обращение десяти богатырей к оратаю, возвращение дружины к Вольге, обращение

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 5.

²⁷ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 136.

²⁸ Онежские былины // Летописн. Т. 13. С. 417.

дружины к оратаю, испытание Вольги, посрамление Вольги и дружины, возвращение Вольги к оратаю, обращение Вольги к оратаю.

В былине, записанной от П. И. Рябина-Андреева, сбор дружины предшествует мотивам дарения князем Владимиром трех городов и исполнения желания Вольги приобрести чудесную мудрость. Такая последовательность расположения мотивов — результат доминирования в сознании сказителя сюжета о князе-дружиннике, отправляющемся собирать дань, над сюжетом о чудесном охотнике.

В былине "Вольга и Микула" ряд мотивов этикетен. Например, мотив появления оратая:

Ен наехал в чистом поли ратоя,
А орет в поле ратой, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого невидать.
То коренья камня вывертывает,
Да великия он камня вси в борозду валит.
У ратоя кобылка соловенькая
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковые²⁹.

Этикетны также мотивы разговора Вольги и оратая, состязания в богатырской силе, состязания конями и победы оратая, словесного состязания.

В отличие от вариантов былины, записанных от Т. Г. Рябина, И. Т. Рябина и П. И. Рябина-Андреева, запись И. Г. Рябина-Андреева фрагментарна. Она является разработкой всего лишь 13 мотивов.

Таким образом, анализ этой былины из репертуара заонежских сказителей также подтверждает, что формой сохранения и развития сюжета является мотив.

²⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 5.

Глава 5

ПОЭТИКА СЮЖЕТА БЫЛИНЫ "КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА"

О былине "Королевици из Крякова" написано немного. Былина принадлежит к числу редко исполнявшихся. Известные варианты былины были записаны на территории Прионежья и Кенозера. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов причисляли "Королевицей из Крякова" к "позднему воинскому эпосу"¹. Так, говоря о былине "Королевици из Крякова", В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов во вступительном очерке к разделу "Поздний воинский эпос" писали: "...здесь получают дальнейшее углубление проявившиеся еще в старшем эпосе тенденции к соединению героического содержания с темой социально-бытовой"². В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов выделяли в былине следующие "типические для эпоса эпизоды": "встреча героя с вещью птицей, поездка навстречу чужеземному богатырю, единоборство братьев"³. Тема былины, по мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, "характерна для русского фольклора эпохи татарского ига", а сюжет "создан под несомненным влиянием баллад"⁴.

Наиболее полный анализ былины дается в двух работах Б. Н. Путилова "Русский и южнославянский героический эпос" и "Героический эпос и действительность". По мнению Б. Н. Путилова, "былина

¹ Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Вступительный очерк // Былины: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 371–375.

² Там же. С. 374.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Королевици из Крякова» развивается до определенного момента как будто по канонам «киевской» сюжеттики: кряковский богатырь, ведомый предсказаниями и предупреждениями, выступает против чужеземного нахвальщика, борется с ним, побеждает его и, перед тем как нанести последний удар, хочет узнать, кто он. Из рассказа поверженного нахвальщика следует, что он — родной брат богатыря, увезенный когда-то татарами, выросший на чужбине и теперь приехавший на Русь искать своих родителей⁵. В последнем мотиве Б. Н. Путилов видит второй план, который "не просто по-новому, из прошлого, освещает ситуацию, но как бы взрывает весь сюжет и круто поворачивает его течение. Второй план придает сюжету трудно разрешимые противоречия"⁶. Исследователь пишет, что "второй план сокращается до предела — неожиданное узнавание влечет восстановление предыстории, все внимание сосредоточено на предупреждении трагического исхода"⁷. Б. Н. Путилов считает, что в сюжете заложено "явное противоречие"⁸. Он пишет: "враг-нахвальщик оказывается беглецом, приехавшим на поиски родных. Противоречие это — не обмолвка певцов, оно вполне органично для нашего эпоса, оно демонстрирует исторические сдвиги в данном сюжете. Согласно определенной традиции, брат и враг — одно лицо, поэтому нет ничего удивительного в том, что былина представляет его татарским нахвальщиком. Однако в соответствии с основной тенденцией к снятию традиционных драматических коллизий разлучение братьев предстает как следствие несчастных обстоятельств, а

⁵ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 198.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. С. 216.

их встреча — как счастливое разрешение давней семейной драмы, и это столкновение различных исторических пластов прямо отражено в сюжете"⁹. Говоря о мотиве охоты, Б. Н. Путилов отмечает, что он "возникает чаще всего в ситуациях, предполагающих какую-то случайную (а в предшествующей традиции и в эпическом контексте — предопределенную) и имеющую для героя жизненное значение встречу. <...> Мотив охоты зашифровывает ожидаемый ход событий, накладывая на них отпечаток нечаянности"¹⁰. Встреча эта, по мнению Б. Н. Путилова, не случайная, а предуказанная. Достоинством былины Б. Н. Путилов считает изображение самого поединка, который является "лучшим в русском эпосе" и "описывается как жестокий, трудный и бескомпромиссный"¹¹.

В былине есть одно, несомненно, "темное место". На него указывает В. Калугин, ставя вопрос, почему Петрой Петрович "из Крякова" и "почему он королевич"¹²? Вероятно, ответом на этот вопрос может

Мотивы	Т. Г. Рябинин
1. Представление героя: происхождение выезд в чисто поле за "охотой"	1-4 5-11
2. Встреча с лебедушками	12-17
3. Угроза Петроя Петровича	18-23

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 93.

служить тот исторический факт, что в Заонежье селили пленных польских солдат наполеоновских войск. Может быть, это отголосок их пребывания в Заонежье. Иначе трудно объяснить присутствие польских имен в былине с ярко выраженным русским колоритом разных исторических эпох "стольного града Киева" и татарского ига.

В "Указателе мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин" Л. А. Астафьевой можно найти только два мотива: "городу угрожает нахвальщик"¹³ и "богатырь борется с неузнанным братом, похищенным татарами"¹⁴. Мотивы использованы как примеры в универсальной модели мотивов в былине. Этот недостаток может быть объяснен только тем, что исследовательница не рассматривает сюжет былины как самостоятельный объект изучения. Конечно, мотивов в сюжете не два, а больше. Это подтверждается количеством мотивов в приведенной ниже таблице.

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
1-4 5-11	1-4 5-11	1-4 5-13
12-17	12-17	14-19
18-23	18-25	20-26

¹³ Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 223.

Мотивы	Т. Г. Рябинин
4. Предостережение лебедушек:	
ответ	24–25
обращение к богатырю	26–30
рассказ о себе	31–36
совет	37–41
предсказание о встрече с вороном	42–48
5. Дума Петря Петровича	49–54
6. Отказ от намерений	55–58
7. Выезд в чисто поле на пути в Киев	59–60
8. Исполнение предсказания:	
встреча с вороном	61–62
описание ворона	63–68
угроза ворону действием	69–73
угроза ворону словом	74–79
9. Предупреждение ворона:	
ответ	80–81
обращение к богатырю	82–91
дума Петря Петровича	
совет	92–97
предсказание ворона	98–109
10. Дума Петря Петровича:	
дума	110–121, 126–134
отказ от исполнения желания	122–125
11. Выезд в чисто поле	135–137
12. Появление татарина:	
выкликивание на поединок	
угроза	
13. Дума Петря Петровича	
14. Просьба Петря Петровича о Божьей помощи	
15. Путь на поединок	

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
24–25	26–27	27–28
26–30	28–33	29–30, 39–44
31–36	34–42	31–38
37–41	43–51	45
42–48	52–60	46–52
49–54	61–67	53–61
55–58	68–71	62–66
59–60	72–74	67–68
61–62	75–78	69–70
63–68	79–84	71–74
69–73	85–92	75–79
74–79		
80–81	93–94	80–81, 105–106
82–91	95–104	82–92
92–97	105–112	93–104
98–109		107–113
110–121, 126–134	113–122	
122–125	123–126	
135–137		
	127–133	114–118
	134–139	119–128
	140–150	129–134
	151–153	135
	154–155	136–137

Мотивы	Т. Г. Рябинин
16. Поединок:	
сезд богатырей	138–144
разезд	145–146
второй сезд богатырей	147–148
бой палицами:	
описание боя	149–155
оценка боя	156–158
сговор	159–164
бой копьями:	
разезд	165–166
сезд	167
описание боя	168–172
оценка боя	173–175
сговор	
бой саблями	
сговор	176–181
победа в рукопашном бою:	
выполнение сговора	182–184
одоление одной рукой	185–189
угроза врагу	190–195
сговор	
расспрос об имени	196–200
упрек:	
обращение ругательное	201–202
обида	203–212
обида Петроя Петровича	213–219
повторение вопроса об имени	220–224
повторный упрек:	
обращение ругательное	
обида	
повторная обида	
Петроя Петровича	
Петрой Петрович третий раз спрашивает об имени	
ответ:	
обращение величальное	225–226
называние своего имени	227–233
рассказ об увозе	234–236

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин– Андреев	П. И. Рябинин– Андреев
138–144	156–162	138–143
145–146	163	144
147–148	164	
149–155	165–169	145–147
156–158	170–171	148–149
159–164		150–153
165–166		154
167		155
168–172		156–157
173–175		158–159
		160–164
		165–167
176–181		168–171
182–184		172–173
185–189		174–182
190–195		183–186
	172	
196–200		187–193
201–202		194–195
203–212		196–202
213–219		203–208
220–224		209–215
		216–217
		218–224
		225–230
		231–237
225–226		238–239
227–233		240–246
234–236		247–249

Мотивы	Т. Г. Рябинин
воспитание	237-238
выезд в Святую Русь	239-242
17. Признание родства	243-251
18. Отъезд домой	252-256
19. Приезд домой:	
богатыри сходят с коней	257-258
Петрой быстро бежит в палатку	259-260
Лука по двору "похаживает"	261-263
Петрой Петрович приходит к матери	264-266
20. Обращение к матери и загадывание загадки	267-272
21. Недоумение матери:	
величание	273-275
ответ матери	276-280
рассказ о старшем брате	281-283
22. Разъяснение загаданного вопроса	284-290
23. Встреча старшего сына с матерью	291-305
24. Финальная формула завершения сюжета	306

Представление героя — это контаминация двух мотивов: происхождения героя и выезда в чисто поле за "охотою". Причем это выражено и синтаксически: контаминация происходит в рамках одного предложения. В мотиве происхождения героя перечисляются город, село, улица, подворье, откуда отправляется на охоту Петрой Петрович.

Формула мотива представления героя

откуда	} выезжал
кто	
зачем	

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
237-238		250
239-242		251-254
243-251		255-266
252-256		267-268
257-258		269-270
259-260		271-272
261-262		
263-266		273-275
267-271		276-282
272-274		283-286
275-279		287-292
280-282		293-294
283-289		295-304
290-304		305-324
305-306		325-326

Например, в записи от Т. Г. Рябинина:

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,
Охвочь ездить молодец был за охвоткою;
А й стрелял-то да й гусей лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.
То он ездил по роздольицу чисту полю,
Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он ни лебедя,
Да й не малого да перелетного утенушка¹⁵.

¹⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143.

Этот мотив структурен. Для него характерно почти дословное совпадение у всех представителей эпической династии Рябининых-Андреевых.

Мотивы встречи с лебедушками и угрозы Петроя Петровича разработаны с незначительными изменениями. Их высокой сохранности способствует ясный и логичный алгоритм действия. Алгоритм встречи с лебедушками: "ездил с утра до пабедья" — "подъехал-то ко синему ко морюшку" — "насмотрел две белых две лебедушки" — на "забереги", на "затресьи плавают две лебеди, колыблются"¹⁶. Алгоритм угрозы: "становил-то он коня" — "тугфй лук розрывчатой отстегивал" — "наложил-то <...> стрелочку каленую" — "натянул тетивочку шелковеньку" — "хотит подстрелить"¹⁷.

Мотив предостережения лебедушек также структурен. В него входят следующие составляющие: ответ, обращение к богатырю, рассказ о себе, совет и предсказание лебедушек о встрече с вороном. В первых трех поколениях сказителей наблюдается почти дословное совпадение этого мотива. В записи былины от П. И. Рябинина-Андреева этот мотив переосмысливается. Рассказ лебедушек о себе разделяет обращение их к богатырю, в результате создается мотивировка того, почему богатырь, убив лебедушек, не сможет "утешить себя", т. е. удовлетворить свою "охоту".

Наиболее подробно мотив первой думы Петроя Петровича разработан в былине, записанной от П. И. Рябинина-Андреева:

Так стал тут молодец да й пораздумался:
 "Хоть подстрелить двух белых лебедушек, —
 Не укратаи плеча могучего,
 Не утешить сердца богатырского,
 Ихну кровь пролью я й во сыру воду,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Ихну тушицу спущу в глубоку воду,
Ихни перья да й по синю морю, —
Не укрятати мне плеча могучего,
Не утешить мне — ко й сердца богатырского!"¹⁸

Мотив отказа от намерения повторяет описание угрозы Петроя Петровича, только в обратном порядке. Выше приводился алгоритм угрозы Петроя Петровича, сравним его с алгоритмом мотива отказа от намерений: "сымает эту стрелоцьку каленую" — "опустил тятивоцьку шелковеньку" — "тугой лук розрывцятой пристегивал"¹⁹.

Мотив выезда в чисто поле на пути в Киев — результат контаминации двух мотивировок выезда: в чисто поле и в Киев. Эта контаминация есть у всех сказителей эпической династии Рябининых—Андреевых.

Исполнение предсказания — структурный мотив, его составляющие — встреча с вороном, его описание, угроза ворону действием и словом. В записях, сделанных от И. Г. и П. И. Рябининых—Андреевых отсутствует составляющий мотив угрозы ворону словом.

В структуру мотива предупреждения ворона входят такие составляющие, как ответ, обращение к богатырю, совет, предсказание ворона. В результате изменения сюжета былины у И. Г. и П. И. Рябининых—Андреевых отсутствует мотив предсказания ворона о встрече с татаринном. Интересно, что в обращение ворона к богатырю у всех сказителей входит поговорка:

В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
Чорна ворона подстрелить — не корысть получить!²⁰

¹⁸ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 453.

¹⁹ *Истомин Ф. М., Дютин Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 31.

²⁰ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 454.

В записи былины от П. И. Рябина-Андреева в предупреждение ворона входит мотив второй думы Петроя Петровича, после которого ворон дает ему совет отправиться в Киев. Таким образом, мотив второй думы Петроя Петровича в записи от П. И. Рябина-Андреева теряет свою самостоятельность, становится составляющим. В записях же от трех других сказителей этот мотив самостоятелен. Мотив второй думы Петроя Петровича, как и предыдущие, — структурен. Это очень выразительный эпизод былины. У Т. Г. и И. Т. Рябининых появляется психологизм: отказ от исполнения желания дается на фоне размышлений персонажа.

С этого момента развитие сюжета идет по двум линиям. Наиболее архаичная линия сюжета представлена записями былины от Т. Г. и И. Т. Рябининых. Петрой Петрович выезжает в чисто поле, где происходит его встреча с татаринном.

Мотив поединка также структурен. В записи от Т. Г. и И. Т. Рябининых в него входят следующие мотивы: съезд богатырей, их разъезд, повторный съезд, бой палицами, сговор биться копьями, бой копьями, сговор биться в рукопашном бою, победа Петроя Петровича в рукопашном бою, расспрос об имени побежденного, упрек, обида, повторный расспрос об имени и ответ — название имени. Этот мотив образует сложные иерархические отношения между составляющими. Так, мотив боя палицами включает в себя описание действия и его оценку:

Приударили во палици булатнии,
Оны друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскойей,
Били палицами булатнима да по белым грудям.
И у их паличи в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися,
А й под има как доспехи были крепкии,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,

Да й не били оны друг друга, не ранили,
Ни которого местецка не кровавили²¹.

Структурен и мотив боя копьями. Вначале он включает в себя мотив разезда и съезда. Мотив разезда выражен лексически глаголом "порозъехались". Такого лексического выражения мотив съезда не имеет — поединок начинается с действия:

Порозъехались с роздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских.
Приударили во копьа муржамецкия²².

В этот мотив также входят попытка нанести ущерб и невозможность этого:

Они друг друга—то били не жалухою,
Не жалухою—то били по белым грудям.
У них копьа—ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкии,
Ени друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били оны друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили²³.

Мотивы описания и оценки боев палицами и копьями формульны. Они почти дословно повторяют друг друга.

В мотив победы в рукопашном бою входят выполнение сговора, одоление Петроем Петровичем тарина одной рукой, угроза врагу. Этот ведущий мотив — контаминация описания боя и победы. Алгоритм описания рукопашного боя отличается от алгоритмов боев палицами и копьями. Петрой Петрович "был обучен бороться об одной ручке" — "подошел <...> к поляницищу" — "схватил он поля-

²¹ *Истомин Ф. М., Дютин Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 34.

²² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 147.

²³ Там же. С. 147–148.

ницу за косу бодру" — "спустил на матушку сыру землю"²⁴.

Угроза осталась неосуществленной, герой не может убить соперника:

Права руцюшка в плечах да застояласе,
В ясных оцюшках да й помутилсе свет...²⁵

Влияние сказочной поэтики на былинку выражается в троекратном повторении боя (бой палицами, бой копьями и рукопашный бой).

Распрос об имени формулен, неструктурен, этикетен: "стал <...> повыспрашивать" — "скажи-тко <...> мне проведай-ко" — "с' коей Литвы" — "с коей земли" — как "именем зовут" — "звеличают по отчеству?"²⁶

Мотив упрека, напротив, структурен, он состоит из ругательного обращения: "Ай ты старая базыка новодревная!" и обиды на Петроя Петровича за вопрос об имени. Упрек обусловлен характером татарина: победив, он бы не стал расспрашивать об имени, а убил.

Обида Петроя Петровича во многом повторяет мотив угрозы. Сравним эти два мотива.

Угроза Петроя Петровича:

Вынимал-то свой нож булатнюю,
Заносил свою да руцьку правую,
Заносил он руцьку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса;
Права руцюшка в плечах да застояласе,
В ясных оцюшках да й помутилсе свет...²⁷

²⁴ Там же. С. 148.

²⁵ *Истомин Ф. М., Дютш Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 35.

²⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 148.

²⁷ *Истомин Ф. М., Дютш Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 35.

А вот мотив обиды:

Разгорелось сердче у богатыря
А у молода Петроя у Петровица.
Ен занес свою да руцьку правую,
Руцьку правую занес он выше головы,
Опустить юхоцет ниже пояса;
Права руцюшка в плечи да застояласе,
В ясных оцюшках да помутилсе свет...²⁸

Повторный мотив расспроса об имени дается по тому же алгоритму, что и первый, поэтому они дословно совпадают.

В отличие от упрёка мотив ответа полянича содержит обращение величальное: "Ай ты славныя богатырь святорусский!" Называние своего имени строится по алгоритму представления героя, из какого города, села, улицы, подворья был увезен татарами Лука Петрович

откуда	} увез
кто	
кого	

Выезд на Святую Русь мотивируется поиском отца и матери:

Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца, матушки,
Поотведать своего да роду племени²⁹.

Петрой Петрович признает в поляниче родного брата, поднимает его с земли, целует, и они вместе отправляются домой.

Мотив приезда домой также структурен, его составляющие: богатыри сходят с коней, Петрой быстро бежит в "палатку", Лука похаживает по двору, Петрой Петрович приходит к матери. Лука остается на дворе, так как он в отличие от Петроя осматривается.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

В обращении к матери Петрой Петрович рассказывает о своей встрече с татаринцом. В его рассказе загадывается загадка: почему Петрой Петрович наехал в поле татарина, но "кормил я его ествушкой сахарною" и "поил я его питьицем медвяным".

Это вызывает у матери недоумение:

Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьицем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы его палицей булатною,
Да й колол бы ты его да копьем вострым³⁰.

Дальше дается аргументация предполагаемых действий Петроя Петровича:

Увезли у тебя братца они родного,
Увезли-то ены малым робеночком,
Увезли его татары-ты поганый!³¹

Ответ Петроя Петровича — это разъяснение загадки. Алгоритм этого мотива более архаичный по сравнению с другими: не татарина наехал я, а родного братца — "Лука Петрович по двору похаживат, за собой добра коня поваживат"³². Мать бежит на двор, где встречает старшего сына.

Запись былины от И. Т. Рябинина почти дословно совпадает с вариантом Т. Г. Рябинина. Это говорит о высокой степени сохранения этого сюжета у И. Т. Рябинина.

Вторая линия развития сюжета произошла из-за забвения некоторых мотивов И. Г. Рябининым—Андреевым. Почти все эти мотивы были восстановлены П. И. Рябининым—Андреевым.

В варианте былины, записанном от И. Г. Рябинина—Андреева, встреча с татаринцом происходит не по

³⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 150.

³¹ Там же. С. 150—151.

³² Там же. С. 151.

предсказанию ворона, а татарин появляется сам: "выкликает поединщика" и угрожает князю Владимиру:

А во тую ль пору в тое ль времечко
А крикнет татарин во чистом поли,
А он кличет выкликает поединщика,
Из чиста поля себе наездника:
"Ты Владимир князь стольно-киевский,
А давай мни в поле поединщика,
Из чиста поля дай мне наездника!
Ты не дашь как мне да й поединщика,
Из чиста поля да й мне наездника —
Твоих черных мужичков я всех поврублю,
Твои божьи церкви я на дым спущу,
А тебя, князя Владимира, в полон возьму,
А в полон возьму да й голову срублю"³³.

Петрой Петрович размышляет, как ему ехать: прямо — биться с татаринoм в чистом поле, дорожкой окольней — не будет чести-хвалы от богатырей, выслуги от князя Владимира. Петрой Петрович решает ехать прямо и обращается к Богу за помощью:

Тут удалый дуродний добрый молодец
Он просил себе бога на помочь,
Пречистую й пресвятую богородицу³⁴.

Мотив съезда богатырей у И. Г. Рябинина-Андреева разработан так:

Он наехал в поле тут татарина,
Оны съехались да й поздоровались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны делали сговор между собой,
Как же силы у друг друга отведати,
Надойть разъехаться на конях богатырских,
Приударить надоть в копыа муржамецкии³⁵.

³³ Былины И. Г. Рябинина-Андреева. С. 104.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 105.

После описания и оценки боя палицами богатыри сговариваются между собой — на этом былина у И. Г. Рябина-Андреева заканчивается.

Вариант былины, записанный от П. И. Рябина-Андреева, представляет собой контаминацию двух сюжетных линий. Как и в варианте у И. Г. Рябина-Андреева, встреча с татаринном происходит не по предсказанию ворона, а случайно. До сговора богатырей сюжет былины у П. И. Рябина-Андреева развивается по схеме, сходной с И. Г. Рябиным-Андреевым. С этого момента развитие сюжета идет по архаичной линии, правда, с некоторыми изменениями.

В отличие от вариантов записей от Т. Г. и И. Т. Рябиных мотив боя копьями мало разработан. Вот сжатый вариант этого мотива:

Разъезжались на конях богатырских,
Приударились во копьа муржамецкие, —
Ихны копьа в руках да погибалися,
Погибалися, по маковкам сломалися, —
Не могли сбить друг друга с добрых коней.
Никоторого местечка ни кровавили³⁶.

Нарушая фольклорную троекратность повторения действия, П. И. Рябинин-Андреев вводит новые мотивы — мотивы сговора сражаться саблями и боя саблями. Только после трех боев Петрой Петрович побеждает в рукопашном бою, который подробно разработан у П. И. Рябина-Андреева:

Молодой Петры Петрович королевский сын,
Приучон ведь он бороться об одной ручкой,
Об одной ручкой он маленьким ребеночком.
Подходил он к поленице-то близешенько,
Захватил он паленицу ведь одной ручкой,
Да й здынул он паленицу выше головы,

³⁶ Онежские былины // Летописи. Т. 13. С. 455.

Да й спустил он поляницу ниже пояса,
Ниже пояса спустил он во конинный ступ,
Поскорешеньку соскочит на белы груди.
Во руках он держит булатный нож,
Хочет он срубить ей буйную головушку,—
Яво правая рука в плече да й застоялася,
В очах у него свет да й помущается...³⁷

Особенностью этого варианта былины является появление новых мотивов: повторный упрек, в который входят ругательное обращение и обида, повторная обида Петроя Петровича и дополнительное (в третий раз) спрашивание имени татарина. Эти мотивы дословно совпадают с упреком, обидой Петроя Петровича и повторным спрашиванием об имени.

В записи былины от П. И. Рябинина—Андреева в мотиве приезда домой отсутствует составляющий мотив — мотив похаживания Луки по двору.

У П. И. Рябинина—Андреева творчески разработан мотив встречи старшего брата с матушкой:

Как тут свет честна вдова заплакала,
Выбегала поскорешеньку на широкой двор.
Увидала й она сынка любимого,
Молодого она Луку й Петровича,—
А он ходит по двору, похаживает
Да добрых коней за поводка поваживает,—
Подбегала к добру молодцу близехонько,
Да й брала его за рученьки за белые,
Да й за те ли за персни за злаченные,
Целовала его в уста сахарния,
Называла ведь сынком любимым,
Приводила их в полаты белокаменны,
Проводила их за столички дубовыя,
Д й за те ли скамеечки окольныя,
Да й кормила их ествушкой сахарной,
Да й поила питьицем медвяным,

³⁷ Там же. С. 456.

Да й дарила дары драгоценныя,
Спать ложила на кроватушку тесовую,
Да й на тую на перинушку пуховую,
Закрывала одеяльцами их теплыми...³⁸

В первом, втором и четвертом поколениях сказителей в эпической династии Рябининых–Андреевых финальная формула, завершающая сюжет, почти совпадает:

Они стали жить быть, век коротати³⁹;
Оны стали жить быть, век корóтати
Еще тым–то былиночка покончилась⁴⁰;
Стали пить да быть да век коротати,
Да ведь тем былиночка й покончилась⁴¹.

Таким образом, и этот сюжет характеризуется высокой устойчивостью, и средством его сохранения является мотив.

³⁸ Там же. С. 458–459.

³⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 151.

⁴⁰ *Истомин Ф. М., Дютин Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. С. 37.

⁴¹ Онежские былины // *Летописи*. Т. 13. С. 459.

Заключение

Представляя эпическую династию Рябиных—Андреевых, А. М. Астахова причислила их к первому типу сказителей. По ее классификации, он характеризуется тем, что певец, неоднократно прослушав текст, запоминал его полностью, усваивал дословно "словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом"¹: "Яркий пример такого типа сказительства мы видим в роду знаменитого заонежского певца былины Т. Г. Рябина. Былины его сына, И. Т. Рябина, в большинстве случаев почти полностью повторяют тексты отца. Его пасынок, И. Г. Рябинин—Андреев, следует точно текстам отца, а его сын, П. И. Рябинин—Андреев, учившийся и у отца, и непосредственно у деда, в основном точно воспроизводит их редакции. Так через четыре поколения почти в полной сохранности дожили до нас редакции Трофима Рябина"². Вопреки этому авторитетному мнению, сказители запоминали не текст. Даже если и предположить, что кто-нибудь из сказителей и ставил перед собой цель заучить текст, то это не подтверждается публикациями былин.

Высокая степень сохранности текста свойственна двум редакциям одной былины, записанной от Т. Г. Рябина ("О двух королевичах из Крякова — Петрое Петровиче и Луке Петровиче"³ и "Королеви-

¹ Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 244—245.

² Там же.

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 179—185.

чи из Крякова⁴). Причина этого, на наш взгляд, — высокие поэтические достоинства и вместе с тем типичность эпических формул. Подобная степень сохранности текста — скорее исключение, чем правило. В вариантах других сюжетов разночтений заметно больше⁵.

Как показывают публикации былин, никто из сказителей не стремился "перенять" былину дословно. Конечно, запоминались типические места, яркие стилистические формулы, выразительные эпизоды, но эпическая память имеет творческий характер. Она предполагает и сохранение традиции, и индивидуальную импровизацию. Дословного воспроизведения былин нет даже при повторном исполнении сюжета одним и тем же сказителем, не говоря уже о разных сказителях. Единственным устойчивым элементом во всех вариантах былин является *мотив*.

Мотив структурен. Он, как правило, разлагается на ряд действий и может быть выражен как в одной фразе, так и разработан подробно — разложен на ряд последовательных действий.

Обычный тип связи мотивов в сюжете — сочинение (последовательное соединение), но в образной нерасчлененности мотивов может возникать и подчинение, которое проявляется в иерархии мотивов. Существуют главные и подчиненные мотивы. В разных записях один и тот же мотив может быть и главным, и второстепенным. Ведущие мотивы могут становиться составляющими в зависимости от того, какое значение им придает сказитель. Возможно объединение нескольких мотивов в одном, это может быть

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 143–151.

⁵ Например, варианты былины "О Михайле Потыке сыне Ивановиче" и "О Михайле Потыке Ивановиче", записанные от Т. Г. Рябинина.

Заключение

вызвано контаминацией мотивов, неразработанностью некоторых из них или включением одних мотивов в состав других. Последовательность главных и второстепенных мотивов в каждом варианте сюжета индивидуальна, но в рамках эпической традиции Рябининых–Андреевых их состав устойчив.

Сравнительный анализ поэтики сюжета былин в эпической династии Рябининых–Андреевых убеждает, что основной категорией сохранения и развития эпической традиции является *мотив*.

Библиография

I

1. Былины: В 2 т. / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М.: Худож. лит., 1958. Т. 1. 564 с.; Т. 2. 521 с.
2. Былины И. Г. Рябикина-Андреева / Подг. текста и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 148 с.
3. Былины П. И. Рябикина-Андреева / Подг. текстов, статья и примеч. В. Базанова; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940. 142 с.
4. Былины Севера: В 2 т. / Сост. А. М. Астахова. М.; Л., 1938.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий; Под ред. Э. В. Померанцевой. М.: Наука, 1974. 448 с. (Литературные памятники).
6. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с. (Литературные памятники).
7. Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Изд. Русск. Географ. Об-ва, 1894. XXIV+ 244.
8. Ляцкий Е. Былины — старинки богатырские. СПб.: Изд. тов-ва "Огни", 1911. XXX+196 с.
9. Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. IV. С. 105-153.
10. Онежские былины // Летописи / Подбор былин и науч. редакция текстов Ю. М. Соколова; Подг. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1948. Т. 13. 938 с.
11. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. Т. 1. 735 с.; 1950. Т. 2. 811 с.; 1951. Т. 3. 670 с.
12. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова и Т. С. Курец; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989. Т. 1. 528 с.; 1990. Т. 2. 640 с.; 1991. Т. 3. 366 с.

Библиография

13. Русская устная словесность: В 2 т. М.: Изд. Сабашниковых, 1916. Т. 1. Былины. 453 с.; 1919. Т. 2. Исторические песни. 587 с.

14. Русские эпические песни Карелии / Изд. подг. Н. Г. Черняева; Науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск: Карелия, 1981. 310 с.

II

15. Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 480 с.; 1963. Т. 2. 364 с.

16. Аксаков К. С. Богатыри времен великого князя Владимира: по русским песням // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 89–138.

17. Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими: по поводу одной статьи // Аксаков К. С. Поли. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 399–408.

18. Андреев Н. П. Былины // Былины: Русский героический эпос / Вступ. статья, ред. и примеч. Н. П. Андреева. Л.: Сов. писатель, 1938. (Библиотека поэта).

19. Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М.: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.

20. Аникин В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 3. 120 с.

21. Астафьева Л. А. Типология лейтмотивов и описаний в русских былинах // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 260–287.

22. Астафьева Л. А. Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // Фольклор: Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 200–229.

23. Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 292 с.

24. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 396 с.

25. Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса ("Потык" и "Микула Селянинович") // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л.: Наука, 1975. Т. XV. С. 27–54.

26. Барсов Е. В. Об Олонецком песнотворчестве // Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1873. Т. III. С. 515–522.

Библиография

27. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 401–402.
28. Бернштам Т. А. "Ай же ты, великий оратаюшка!" // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 119–128.
29. Буслаев Ф. И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф. И. Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. 456 с.
30. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. 460 с.
31. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский Вестник. 1862. № 9. С. 80.
32. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 301–306.
33. Гильфердинг А. Ф. Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин // Русская старина. СПб., 1872. Т. V. № 3. С. 497–517.
34. Далгат У. Б. Эпический историзм в развитии // Фольклор: Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 72–102.
35. Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.
36. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. Вып. 2. Художественные и научные категории. С. 3–9.
37. Захарова О. В. Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей" в эпической традиции Рябининых-Андреевых // Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. Вып. 2. Художественные и научные категории. С. 74–85.
38. Захарова О. В. Сюжет былины "Добрыня и змей" из репертуара Т. Г. Рябинина // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 7.
39. Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 468–471.
40. Калугин В. И. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1983. 351 с.

Библиография

41. Криничная Н. А. Жил в Кижской волости крестьянин... // Жил в Кижской волости крестьянин... СПб., 1995. С. 7–45.
42. Криничная Н. А. Концепция архетипа и проблемы преемственности образов в системе мифа и предания // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 4–24.
43. Криничная Н. А. Некоторые итоги изучения фольклорных традиций Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 154–159.
44. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 60 с.
45. Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: биография и эпическое наследие // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кижи, 1991. С. 2–4.
46. Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия // Заонежье: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1992. С. 6–23.
47. Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий. Петрозаводск, 1990. 28 с.
48. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981. 223 с.
49. Левинтон Г. А. К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 162–170.
50. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л.: Худож. лит. 1987. Т. 1. 656 с.
51. Миллер В. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. III. С. 11.
52. Миллер В. Лекции по русской народной словесности. М., 1909.
53. Миллер В. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1.
54. Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса: В 8 т. М., 1892.
55. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: Сравнительно-исторические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869.

Библиография

56. Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1.
57. Н. Н. И. Т. Рябинин и его былины // Русское обозрение. 1894. Т. 26. Март. С. 414–417.
58. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
59. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Уч. зап. ЛГУ: Русская литература. Серия филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Вып. 72. № 339. С. 5–25.
60. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Худож. лит., 1958. 603 с.
61. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. 325 с.
62. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.
63. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 141–155.
64. Путилов Б. Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Л., 1966. Т. X. С. 103–127.
65. Путилов Б. Н. Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве // Русский фольклор: Исторические связи в славянском фольклоре. Л., 1968. Т. XI. С. 31–55.
66. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
67. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
68. Разумова А. П. К переизданию "Песен, собранных П. Н. Рыбниковым" (о публикациях былин в олонечкой периодической печати) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 131–149.
69. Разумова А. П. Об изучении современного состояния традиционного фольклора Карельского Поморья // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 4–22.
70. Разумова И. А. П. Н. Рыбников — первооткрыватель "Исландии русского эпоса" // Фольклорные традиции и музеи: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Киж, 1991. С. 4–6.

Библиография

71. Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношениях с эпосом востока и запада // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. Вып. 3. С. 214–218.

72. Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1839. Т. 1. Кн. 4.

73. Селиванов В. Г. Поэтика былин: Система изобразительно-выразительных средств. М.: Изд-во МГУ, 1977. Ч. I. 128 с.

74. Селиванов Ф. М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ. Серия X. Филология. М.: Изд-во МГУ, 1969. № 3. С. 30–41.

75. Сенькина Т. И. Сказитель и современность // Фольклорные традиции и музей: Тезисы докладов Всесоюзной конференции / О. Кизи, 1991. С. 8–9.

76. Сидоров Н. П. Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце: Из стилистических наблюдений // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931. С. 259–266.

77. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924. 226 с.

78. Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. 328 с.

79. Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. XII. С. 181–193.

80. Текстологическое изучение эпоса: Сб. статей. М., 1971.

81. Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: поэтика и стилистика: Сб. статей. М., 1980.

82. Фольклор Карело-Финской СССР: Сб. статей / Под ред. Н. П. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. Вып. 1. 251 с.

83. Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М.: Наука, 1984. 296 с.

84. Фольклористика Карелии: Сб. статей / Под науч. ред. Н. А. Криничной и Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1991. 174 с.

85. Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла // Русский филологический вестник. 1884. № 3, 4; 1885. № 1, 2, 3.

86. Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1903. № 11. Ч. 350. С. 1–40.

87. Черняева Н. Г. К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Советская этнография. 1976. № 5.

Библиография

88. Черняева Н. Г. Об отношении былинного сказителя к эпическому кодексу поведения // *Фольклористика Карелии*. Петрозаводск, 1978. С. 40–57.

89. Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.

90. Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982. 198 с.

91. Шамбинаго С. К. К литературной истории старин о Вольге // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб. 1905. № 11. Ч. 362. С. 131–150.

92. Юдин Ю. И. Героические былины: Поэтическое искусство. М.: Наука, 1975. 120 с.,

93. Юдин Ю. И. Типы героев в героических русских былинах // *Русский фольклор: Проблемы художественной формы*. Л., 1974. Т. XIV. С. 34–45.

Приложение

Былевой репертуар

Сюжеты былин	Т. Г. Рябинин
1. Вольга и Микула	+ (4 записи)
2. Илья Муромец и Соловей-Разбойник	+ (2 записи)
3. Добрыня и змей	+
4. Королевичи из Крякова '	+ (2 записи)
5. Илья Муромец и Калин-царь	+
6. Илья Муромец в ссоре с Владимиром	+
7. Илья Муромец и дочь его	+ (2 записи)
8. Добрыня и Маринка	+
9. Добрыня и Василий Казимиров	+ (2 записи)
10. Дюк	+ (2 записи)
11. Дунай	+ (2 записи)
12. Хотен Блудович	+ (2 записи)
13. Скопин Шуйский	+ (2 записи)
14. Молодец и худая жена	+
15. Худая жена, жена умная	-
16. Михайло Потык	+ (3 записи)
17. Иван Годинович	+ (2 записи)
18. Сорок калек	+ (2 записи)

династии Рябининых-Андреевых

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин-Андреев	П. И. Рябинин-Андреев
+	фрагмент	+
+	фрагмент	+
и фрагмент	фрагмент	+
+	бой 1 – фрагмент бой 2 +	бой 1 +
+	+	+
+	и фрагмент	-
+	+	-
+	+	-
+	+	-
+	+	-
+	-	+
+	+	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	-	-
+	+	+
и фрагмент	и фрагмент	и фрагмент
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-

Сюжеты были	Т. Г. Рябинин
19. Горе	+
	(2 записи)
20. Самсон-богатырь	+
21. Святогор	+
22. Илья Муромец и поганое Идолище	+
23. О Ставре Годиновиче	+
24. О Василье Буслаевиче	+
25. О Садке-купце, богатом госте	+
26. О грозном царе Иване Васильевиче	+
27. Иван Грозный и сын	-
28. Илья Муромец	-
29. Женидьба князя Владимира	-
30. Василий Окульевич	-
31. Добрыня в отъезде	-
32. Илья Муромец на заставе	-
33. Ссора князя Владимира	-
34. О Ермаке Тимофеевиче	+
35. Поездка Василия Буслаева	+

И. Т. Рябинин	И. Г. Рябинин- Андреев	П. И. Рябинин- Андреев
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
+	-	-
+	-	-
-	+	-
-	+	-
-	фрагмент	-
-	фрагмент	-
-	+	-
-	-	-
-	-	-

Анализ сюжета былины "Вольга и Микула"
по мотивам

Зачин

- Р.¹ Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,

*Мотив происхождения героя:
родословие*

- Р. Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославгович.
Г.² Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославгович.

мужание Вольги

- Р. Стал Вольга растеть-матереть,
Г. Стал Вольга ростеть матереть,

*"Охота" Вольги приобрести чудесную мудрость:
желание*

- Р. Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях
Птицей-соколом летать ему под оболочка,
Серым волком рыскать во чистых полях.

¹ О Вольге Святославгиче // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 91-95.

² Вольга и Микула // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 4-9.

- Г. Похотелоя Вольгѣ да много мудростей:
Щукой рыбоу ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях;

неосуществимость желания

- Р. Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птички за оболоча,
Убегали все звери во темные леса.
Г. Уходили-то вси рѣбушки во глубѣи моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны леса.

мужание Вольги

- Р. Стал Вольга растеть-матереть,
Г. Стал Вольга ростеть матереть,

Сбор дружины

- Р. Избирал собе дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам още Вольга во тридцатых.
Г. И сберал соби дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.

Дарение князем Владимиром трех городов

- Р. Жаловал его родный дядюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя городами со крестьянами:
Первым городом — Гурчевцом,
Другим городом — Ореховцем,
Третьим городом — Крестьяновцем.
Г. Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевской.
Жаловал его трима городами все крестьянами:
Первым городом Гурчовцом,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Приложение

Выезд за данью

- Р. Молодой Вольга Святославгович
Со своею дружинушкой хороброю
Он поехал к городам за получкою.
- Г. Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.

Выезд в чисто поле

- Р. Выехал в раздольице чисто поле,
Г. Выехал Вольга во чистое поле,

Появление ратая: обнаружение ратая

- Р. Он услышал в чистом поле ратая:
Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
- Г. Ен услышал во чистом поли ратая.
А орет в поли ратой, понукивает,
А у ратая—то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.

поиск ратая

- Р. Ехал Вольга до ратая
День с утра он до вечера
Со своею дружинушкой хороброю,
А не мог он до ратая доехать.
Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до вечера,
А не мог он до ратая доехать.
Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают.
Ехал Вольга еще третий день,
Третий день с утра до пабедья,

- Г. Ехал Вольга он до ратоя,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орет—то в поли ратой, понукивает,
А у ратоя сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга еще дру́гой день,
Дру́гой день с утра до па́бедья,
Со своей со дружинущкой хороброю.

появление оратая:

действия оратая

- Р. Наехал он в чистом поле ратая.
Орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает;
В край он уедет — другого не видать;
Коренья, камня вывертывает,
А великие—то все камни в борозду валит;
- Г. Ен наехал в чистом поли ратоя,
Орет в поле ратой, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого не́видать.
То коренья ка́менья вывертывает,
Да великия он ка́менья вси в бо́розду валит.

орудия труда

- Р. Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
- Г. У ратоя кобылка солóвенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковые.

Диалог:

приветствие Вольги

- Р. Говорил Вольга таковы слова:
"Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,
С края в край бороздки пометывать,
Коренья, камня вывертывать!"

Приложение

- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Бог теби помочь ора́таюшко̀,
А орать да пахать да крестья́нствовать,
С края в край бороздки пометыва́ти!

ответ оратая и вопрос о цели путешествия

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Поди-тко, Вольга Святославгович,
Со своею со дружинушкой хороброю,
Мне-ка надобна божья помочь
крестья́нствовать!
Далеко ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?"
- Г. Го́ворил оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты Вольга Святославгович!
Мни-ка надобно Бо́жья́ помочь
крестья́нствовать,
С края в край бороздки поме́тывать.
А й далече ль Вольга́ едешь, куда путь держиш
Со своею со дружинушкой хороброю?

ответ Вольги

- Р. "Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Еду к городам за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу к Ореховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу".
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурьевцу,
К дру́тому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу.

похвальба оратая

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославгович!
А недавно я был в городни, третьёго дни,
На своей кобылке соловоей,

Увез я оттоль соли столько два меха,
Два меха соли по сороку пуд,
И живут-то мужики – все разбойники,
Оны просят грошей подорожных;
А был я шалыгой подорожною,
Платил им гроши подорожные:
Который стоя стоит – тот и сидя сидит,
А который сидя сидит – тот и лежа лежит".

- Г. Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославгович!
Да недавно я был в городе, третьяго дни,
На своей кобылке соловою,
А привез оттоль соли я два меха,
Два меха-то соли по сороку пуд,
А живут мужики там разбойники,
Ёны просят грошён подорожных,
А был я шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожные:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит.

приглашение Вольги оратаю ехать вместе

- Р. Говорил Вольга таковы слова:
"Ай же оратай-оратаюшко,
Поедем со мною в товарищах!"
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же оратай оратаюшко!
Да поедем-ко со мною во товарищах
Да ко тем к городам за получкою.

Сборы оратая

- Р. Этот оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенул,
Кобылку из сошки повывернул;
- Г. Этот оратай оратаюшко
Гужики с сошки он повыстенул
Да кобылку из сошки повывернул
А со тою он сошки со кленовенкой,
А й оставил он тут сошку кленовую,

Приложение

Отъезд Вольги с дружиной и оратая в чисто поле

- Р. Сели на добрых коней, поехали.
Г. Он сажился на кобылку соловеньку;
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу чисту́ полю.

Состязание в богатырской силе: просьба

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославгович!
Оставил я сошку в бороздке,
И не гля-ради прохожего, проезжего,
А гля-ради мужика-деревенщины.
Как бы сошка с земельки повыдернути,
Из омешиков земелька повытряхнути
И бросить бы сошка за раки́тов куст?"
- Г. Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославгович!
А оставил я сошку в бороздки,
Да не гля-ради прохожаго проезжего,
Ради мужика деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет мо́лодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинишку хоробрую,
Чтобы сошка с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошка за раки́тов куст.

испытание пяти богатырей

- Р. Молодой Вольга Святославгович
Посылает он с дружинишки хоробрыя
Пять молодцев могучиих,
Чтобы сошка с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхнули,
Бросили бы сошка за раки́тов куст.

- Г. Молодой Вольга Святославгович
Посылает тут два да три добрых мѡлодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повѣтряхнуѣ,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

первое посрамление

- Р. Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцев могучиих,
Приехали к сошке кленовые:
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повѣтряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
- Г. Едут туды два да три добрых мѡлодца
Ко этой ко сошки кленовоей;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от зѣмли поднять нельзя,
Да не могут сошки с земельки повыдернуѣ,
Из омешиков земельки повѣтряхнуѣ,
Бросить сошки за ракитов куст.

испытание десяти богатырей

- Р. Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком,
Чтобы сошку с земельки повыдернули
Из омешиков земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
- Г. Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошке кленовоей.

второе посрамление

- Р. Оны сошку за обжи вокруг вертят —
Сошки от земели поднять нельзя,
Не могут из омешиков земельки повѣтряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Приложение

- Г. Приехали оны целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружком вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы́дернути,
Из омешиков земельки повы́тряхнути,
Бросить сошки за ракетов куст.

испытание всей дружины

- Р. Посылал он всю дружинушку хоробрую:
Г. Молодой Вольга Святославгович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единого,
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единого.

третье посрамление

- Р. Оны сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки с земельки повы́дернути,
Из омешиков земельки повы́тряхнути,
Бросить сошки за ракетов куст.
Г. А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы́дернути,
Из омешиков земельки повы́тряхнути,
Бросити сошки за ракетов куст.

победа оратай в состязании:

упрек дружине

- Г. Говорит оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославгович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
А не могут оны сошки с земельки повы́дернуть,
Из омешиков земельки повы́тряхнути,
Бросити сошки за ракетов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебаясь.

демонстрация силы

- Р. Подъехал оратай-оратаюшко
На своей кобыле соловенькой
Ко этой ко сошке кленовой:
Брал-то он сошку одной рукой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельки повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
- Г. Этот оратай оратаюшко
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

*Состязание конями и победа оратая:
выезд в чисто поле*

- Р. Сели на добрых коней, поехали.
Оратая кобылка-то рысью идет,
А Вольгин-от конь и поскакивает;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгин-от конь остается.
- Г. Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольгин-тот конь да поскакивает;
А у ратоя кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-тот конь остается.

помахивание Вольги колпаком

- Р. Стал Вольга тут покрикивати,
Колпаком Вольга стал помахивати:
- Г. Стал Вольга покрывквати,
Стал колпаком Вольга помаивати,

обращение Вольги

- Р. "Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Стой-ко, постой, да оратаюшко!

Приложение

Словесное состязание: обращение Вольги

- Р. Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали".
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же ора́тай оратаюшко,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобы́лку пятьсот бы дали.

словесная победа оратая

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Глупый Вольга Святославгович!
Взял я кобылку жеребчиком с-под матушки
И заплатил за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку сметы бы нет".
- Г. Говорит оратай таковы слова:
— Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конём бы была,
Этой бы кобылки и сметы нет.

Открытие имени победителя: обращение и вопрос Вольги

- Р. Говорил Вольга Святославгович:
"Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Как-то тебя именем зовут,
Как звеличают по отчеству?"
- Г. Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же ты оратай оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Как звеличают по отчеству?

ответ оратая:

представление героя в крестьянском труде

- Р. Говорил оратай таковы слова:
"Ай же Вольга Святославович!
А я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да и мужичков напою.
- Г. Гóворил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скірды складу,
В скирды складу да домой вы́волочу,
Домой выволочу, дóма вымолочу́,
Драни надеру да то я пива наварю́,
Пива наварю, мужичко́в напою́,

называние имени

- Р. Станут мужички меня покликивати:
"Молодой Микулушка Селянинович!"
- Г. Станут мужички меня покликивати:
— Ай ты мо́лодой Микулушка Селя́нинович!

Анализ сюжета былины
"Королевичи из Крякова" по мотивам

*Представление героя:
происхождение*

- Р.¹ Из того из города из Крякова,
Из того села ли из Березова,
Из того подворья богатырского
- Г.² Из того было из города из Крякова,
С того славнаго села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,

выезд в чисто поле за "охотою"

- Р. Охвочь ездить молодец был за охвотою
Во славное раздольице чисто поле,
Охвочь-то был стрелять гусей, лебедей,
Малых перелетных серых утушек.
Молодой Петро́й Петро́вич, королевский сын,
Он проездил день с утра до вечера
По славну по раздольицу чисту́ полю,
Не наехал ни гуся, ни лебедя,
Ни малого перелетного утеныша.
Още ездил дру́гой день с утра до па́бедья,
- Г. Охвочь ездить молодец был за охвоткою;
А й стрелял-то да й гусей лебедей,
Стре́лял малых перелетных серых утушок.
То он ездил по роздольицу чисту полю,

¹ О двух королевичах из Крякова — Петрое Петровиче и Луке Петровиче // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 179–186.

² Королевичи из Крякова // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 143–151.

Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он ни лебедя,
Да й не малого да перелетного утенушка.
Он по дру́гой день ездил с утра до па́бедья,

Встреча с лебедушками

- Р. Подъехал он ко синему ко морюшку
И насмотрел—то он на синём море,
На той на тихой за́береги,
На зеленоем на за́тресьи,
Плавают две белые лебедушки, колыблются;
- Г. Ен подъехал—то ко синему ко морюшку,
Насмотрёл две белых две лебедушки:
Да на той ли как на тихой забереги,
Да на том зеленоем на затресьи
Плавают две лебеди, колыблются.

Угроза Петра Петровича

- Р. Становил—то он коня богатырского,
От правого от стремечка булатного
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал,
То он стрелочки каленые накладывал,
Тетивочки шелковеньки натягивал,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
- Г. Становил—то он коня да богатырского,
А свой тугой лук разрывчатой отстегивал
От того от праваго от стремечка булатного,
Наложил—то он и стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.

Предостережение лебедушек:

ответ

- Р. Эты белые лебедушки
Проязычили языком человеческим:
- Г. Воспроговорили белые лебедушки,
Проязычили языком человеческим:

Приложение

обращение к богатырю

- Р. "Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Хоть ты подстрелишь двух белых лебедушек.
Не укрятуюешь плеча ты могучего
И не утешишь сердца богатырского.
- Г. — Ты удаленький дородний добрый молодец,
Ай ты славный богатырь святорусский!
Хоть нас подстрелишь двух белых лебедушек,
Не укрятаешь плеча могучаго,
Не утешишь сердца молодецкаго.

рассказ о себе

- Р. Не две белые мы есть—то не лебеди,
Есть—то мы две девушки две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны,
Со тоя мы со славной с Золотой Орды,
Летаем мы от пана поганого по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.
- Г. Не дви лебеди мы есть да не дви белых,
Есть две девушки да есть две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны,
Мы летаем—то от пана от поганого,
Мы летаем поры времени по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.

совет

- Р. Поезжай—ко ты раздольицем чистым полем
Ко славному ко городу ко Киеву
- Г. Поезжай—ко ты в раздольице чисто поле
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владимиру:
А й Владимир князь он ест—то и прокладается
И над собой незгодушки не ведает.
Как поедешь ты раздольицем чистым полем,

предсказание о встрече с вороном

- Р. И подъезжай к сыру дубу крякновисту,
Насмотри-ка ты птицу во сыром дубу:
Сидит-то птица чернѣй ворон во сыром дубѣ,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьяца распушены до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видано,
На белом не слыхано".
- Г. Да приедешь ты к сыру дубу крякновисту,
Насмотри-тко птицу во сыром дубе,
Сидит птица чѣрный ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьяца распушены до матушки сырой земли.

Дума Петроя Петровича

- Р. Стоит богатырь, пораздумался:
"Хоть я подстрелю двух белых лебедушек,
Не укрятю плеча ты могучего
И не утешу сердца богатырского".
- Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын
На коне сидит, сам пораздумался:
— Хоть-то подстрелю двух белых лебедушек,
Да й побью я две головки бесповинных,
Не укрятю плеча могучаго,
Не утешу сердца молодецкаго.

Отказ от намерений

- Р. Снимает эти стрелочки каленые,
Отпускает он тетивочки шелковеньки,
Свой тугий лук разрывчатый пристегивал
Ко правому ко стремяну к булатному,
Берет он в руки плеточку шелковеньку,
Бьет-то он коня да по тучной бедры,
- Г. Ен сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковеньку,
А й свой тугой лук разрывчатой пристегивал
А й ко правому ко стремечки булатнѣму,

Приложение

Выезд в чисто поле на пути в Киев

- Р. То он ехал по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Киеву.
- Г. Да й поехал он роздольцем чистым полем
А й ко славному ко городу ко Киеву.

Исполнение предсказания: встреча с вороном

- Р. И подъехал ко сыру дубу крякновисту,
И насмотрел он птицу черна ворона:
- Г. Подъезжал он ко сыру дубу крякновисту,
Насмотрел ён птицу черна ворона;

описание ворона

- Р. Сидит-то птица черный ворон во сыром дубе,
Перьице у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьяца распущены до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свете не видывал,
На белоем не слыхивал.
- Г. Сиди птица черный ворон во сыром дубе,
Перьицо у ворона черным черно,
Крыльицо у ворона белым бело,
А й роспущены до матушки сырой земли:
Эдакою птицы на свете не видано,
А й на белоем да и не слыхано.

угроза ворону действием

- Р. Становил он коня богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал,
От правого от стремечка булатного,
Налагает он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
- Г. Мóлодой Петрой Петрович королевской сын
Он от праваго от стремечки булатнёго
Отстянул свой тугой лук розрывчатой,
Наложил ён стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,

угроза ворону словом

- Р. И говорил-то он таковы слова:
"Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Расточу его я кровь-то по сыру дубу,
Тушицу его спущу я на сыру землю,
Перьице распушу я по чисту полю,
По славному раздольицу широкому".
- Г. Говорил-то молодец да й таковы слова:
— Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Его кровь-то расточу да по сыру дубу,
Его тушицу спущу я на сыру землю,
Перьице я роспушу да по чисту полю
Да по тою долинушке широкою.

Предупреждение ворона:

ответ

- Р. Проязычит птица языком человеческим:
Г. Воспроговорил-то ворон птица черная,
Исповещил да языком человеческим:

обращение к богатырю

- Р. "Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Ты слышал ли поговорье на святой Руси:
"В келье старца убить — то есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить — то не корысть
получить"?
Хоть ты и подстрелишь птицу черна ворона
И расточишь мою кровь-то по сыру дубу,
Тушу мою спустишь на сыру землю
И перьице распустишь по славной по
долинушке,
По раздольицу широкому чисту полю, —
Не укрятуюешь плеча ты могучего
И не утетишь сердца богатырского.
- Г. — Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусския!
Ты слышал ли поговорю на святой Руси:

Приложение

В кельи старця—то убить — так то не спáсеньё,
Черна ворона подстрéлить — то не кóрысть
пóлучить,

Хоть подстрелишь мене птицу черна ворона,
И поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
Спустишь тушицю на матушку сыру землю,
Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
Не утешишь сердца молодецкаго.

совет

- Р. Поезжай—ка раздольцем чистым полем
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
У ласкова князя у Владимира
Хорош честён пир—пированьице;
Над собой он князь незгодушки не ведает:
- Г. Поезжай—ко ты во славной стольнѣй Киев град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру,
А й у славнаго—то князя у Владимира
Есть почестен пир да й пированьицо,
То он есть да пьет да й проклаждается,
Над собою князь незгодушки не ведает:

предсказание ворона

- Р. Ездит паленичища в чистом поле
На добром коне на богатырском,
Она кличет—выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Говорит—то паленица таковы слова:
"Ежели Владимир стольно—киевский
Не пошлет ко мне он поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю.
Черных мужичков—то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу".
- Г. То ведь ездит поляничищо в чистом поли,
Она кличит выкликает поединщика,
Супротив себя да й супротивника,

Из чиста поля да что наездника:
Он не даст ли мне—ка если поединщика,
Супротив себя да й супротивника,
Из чиста поля да что наездника, —
Розорю я славной стольной Киев град,
А'ще чернедь мужичков—то всех повырублю,
Все божьи церкви—то я на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да королевичной.

Дума Петроя Петровича:
дума

- Р. Стоит молодец, он пораздумался:
"Слышал я поговорье на святой Руси:
В келье старца убить — то есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить — то не корысть
получить
Хоть подстрелю я птицу черна ворона
И расточу его я кровь—то по сыру дубу,
Тушицу его спущу я на сыру землю,
Перьцо—то распущу по чисту полю,
По славному раздольицу широкому,
То не укрятю плеча я могучего
И не утешу сердца богатырского".
- Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын
На добром коне сидит, сам пороздумался:
— То слышал я поговорю на святой Руси:
В кельи старца—то убить, так то не спасенье,
Черна ворона подстрелить, то не корысть
получить,
Хоть я подстрелю—то птицу черна ворона,
Росточу—то его кровь да по сыру дубу,
Его тушицу спущу да й на сыру землю,
Распущу то ёго перьце да й по чисту полю
Да по тою по долинушке широкою, —
Не укрятю плеча—то могучаго
И не утешу сердца молодецкаго.

Приложение

отказ от исполнения желания

- Р. Снимает он стрелочку каленую,
И отпустил тетивочку шелковую,
Свой тугий лук разрывчатый пристегивал
Ко правому ко стремечку булатному
- Г. Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковую,
А свой тугой лук розрывчатой пристегивал
А й ко правому ко стремечки к булатнёму,

Выезд в чисто поле

- Р. И поехал по раздольицу чисту полю.

Дума Петроя Петровича

- Р. Поехал молодец, сам пораздумался:
"Прямоезжею дорогою поехать в стольно-
Киев-град,
То не честь мне-ка хвала от богатырей
И не выслуга от князя от Владимира.
Если бы поехать во раздольице чисто поле,
Поотведать мне-ка силы у татарина,
То побьет меня татарин во чистом поле,
Не бывать-то молодцу на святой Руси,
Не видать мне, молодцу-то, света белого".
- Г. На кони сидит да й пораздумался:
— Прямоезжею дорогою поехать в стольнѣй
Киев град,
То не честь мне-ка хвала да й от богатырей,
А й не выслуга от князя от Владимира
А поехать мне дорожкой во чисто поле
А й ко тою полянищицу удаюю,
А й убьет-то поляница во чистом поле,
Не бывать-то мни да на святой Руси,
А и не видать-то молодцю мне свету белого.

Просьба Петроя Петровича о помощи у Бога

- Р. Ён зовет себе да бога на' помочь,

Выезд в чисто поле

- Р. Спустил-то добра коня роздольцем чистым
полем,
Г. Он спустил коня да й богатырского,
Ен поехал по роздольцу чисту полю,

Появление татарина

- Р. Ён наехал паленичищу в чистом поле.
Г. Ен подъехал к поляниці ко удалюю.

*Поединок:
свезд богатырей*

- Р. Оны съехались да поздоровкались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с роздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные.
Г. Оны съехались добры молодцы
да й поздоровкались,
Они сделали сговор да й промежду собой,
Как друг у друга́ нам силушки отве́дати:
Нам розъехаться с роздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатнии,
Тут мы силушки у друг друга́ отведаем.

разъезд

- Р. Разъехались оны с роздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Г. Порозъехались они да на добрых конях
По славному роздольцу чисту полю;

второй свезд богатырей

- Г. Они съехались с роздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,

Приложение

бой палицами: описание боя

- Р. Приударили во палицы булатние,
Оны друг-то друга били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
Со всея били со силы богатырския;
Под нима доспехи были крепкие:
У них палицы в руках-то погибалися,
По маковкам отломилися,
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
- Г. Приударили во палицы булатнии,
Они друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырский,
Били палиц'ми булатнима да по белым грудям.
И у них палицы в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкий,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,

оценка боя

- Р. Оны друг друга не били и не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
- Г. Да й не били оны друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.

сговор

- Р. Становили добрых коней богатырских,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копыя муржамецкие.
- Г. Становили молодцы оны добрых коней
И они делали сговор да промежду собой,
Порозъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копыя муржамецкия,
Надо силушки у друг друга отведати.

*бой копьями:
разъезд*

- Р. Разъехались оны с раздольища чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Г. Порозъехались с роздольища чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,

описание боя

- Р. Приударили во копьа муржамецкие;
Оны друг-то друга били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
И со всея били силы богатырские;
Под нима доспехи были крепкие:
У них копьа в руках-то погибалися,
По маковкам копьа отломилися,
Г. Приударили во копьа муржамецкия,
Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям.
У них копьа-ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под нима как доспехи были крепкия,

оценка боя

- Р. Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Г. Ени друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били оны друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.

сговор

- Р. Становили добрых коней богатырских,
Выходили добры молодцы с добрых коней:
Надо биться боем-рукопашкою,
Поотведать друг у друга силушки великия.

Приложение

- Г. Становили добрых коней богатырских,
Говорили молодцы—то промежду собой:
Опуститься надо со добрых коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться—то нам боем рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушку отведаем.

победа в рукопашном бою:

выполнение сговора

- Г. Выходили молодцы они с добрых коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли—то биться боем рукопашкою.

одоление одной рукой

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он весьма обучен был бороться об одной ручке;
Он подходит к паленицы ко удалыя,
То он схватит паленицу на косу бедру,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил он паленицу на сыру землю,
Ступил он паленицы на белы груди,
- Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын
Он весьма был обучен бороться об одной ручке;
Подошел он к полянищицу удалю,
Да й схватил он поляницу на косу бодру,
Да й спустил на матушку сыру землю,

угроза врагу

- Р. Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы,
Спустить хотит он ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
Во ясных очушках свет помущается,
- Г. Вынимал—то свой он нож булатнюю,
Заносил свою да ручку правую,
Заносил он ручку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса —
Права ручушку в плечах да застоялася,
В ясных очушках да й помутился свет.

расспрос об имени

- Р. То он стал у паленицы выпрашивать:
"Скажи-тко, паленица, проведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Звеличают удалую по отчеству?"
- Г. То он стал у поленицы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ко:
Ты с коёй Литвы, да ты с коёй земли,
Тобе как-то поляничку именем зовут
И удалую звеличают по отчеству?

упрек:

обращение ругательное

- Р. Говорила паленица таковы слова:
"Ах ты старая базыга, новодревная!"
- Г. Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты старая базыка новодревная!

обида

- Р. Тобе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее;
Есть бы был я на твоей бело́й груди,
Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью,
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени".
- Г. Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моей белой груди
И в руках ты держишь свой булатный нож,
Ты хотишь пластать мои да груди белые,
Доставать хотишь мое сердце со печеней.
Есть стояла я бы на твоёй белой груди,
Да пластала бы твои я груди белые,
Доставала бы твоё да сердце с пёченей,
Не спросила б я отца твоего матери,
А ни твоёго ни роду я ни племени.

Приложение

обида Петроя Петровича

- Г. Розгорелось сердце у богатыря
А у молодца Петроя у Петровича.

повторная угроза врагу

- Р. Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса,
Ручка правая в плече застоялася,
Во ясных очушках свет помущается,
- Г. Ен занес свою да ручку правую,
Ручку правую занес он выше головы,
Опустить ю хочет ниже пояса, —
Права ручушка в плечи да застояласе,
В ясных очушках да помутился свет.

повторение вопроса об имени

- Р. Стал у паленицы выпрашивать:
"Скажи-тко, паленица, попроведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Удалую звеличают по отчеству?"
- Г. То он стал у поленицы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-тко:
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тобя как-то поляничку именем зовут
Тобя как-то звеличают по отчеству

повторное обращение ругательное

- Р. Говорила паленица таковы слова:
"Ах ты старая базыга, новодревная!"

повторная обида

- Р. Тобе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы был я на твоей белой груди,

Пластал бы я твои груди белые,
Доставал бы твое сердце со печенью,
И не спросил бы ни батюшки, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени".

третья угроза врагу

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Берет свое кинжалище булатнее,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Ручка правая в плече застоялася,
В ясных очушках свет помущается,

третий вопрос об имени

- Р. Стал у паленицы выпрашивать:
"Скажи-тко, паленица, попроведай-ка:
Ты с коей земли, да ты с коей литвы,
Как тебя, паленицу, именем зовут,
Удалую звеличают по отчеству?"

ответ:

обращение величальное

- Р. Говорила паленица и заплакала:
"Ты удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Г. Говорила поленица таковы слова:
— Ай ты славныя богатырь святорусския!

называние своего рода и имени

- Р. Когда ты у меня стал выпрашивати,
Я стану тебе про то высказывать.
Есть я со тоя со темной литвы,
От тых татаровей поганных;
А увезен был маленьким робеночком
Из того было из города из Крякова,
Из того села да из Березова,
Со тоя со улицы с Рогатицы,
Со того подворья богатырского
Молодой Лука Петрович, королевский сын.

Приложение

- Г. А й ты когда стал у меня выспрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есть из города из Крякова,
Из того села да со Березова,
А й со тою ли со улицы Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович королевской сын.

рассказ об увозе в полон

- Р. Увезли меня татаровья поганные
Маленьким робеночком во эту во темну орду,
Г. Увезен был маленьким робеночком:
Увезли меня татары-ты поганыи,
Да й во ту славну в хоробру Литву,

воспитание

- Р. И возрос я там до полного до возраста
И имею в плечах силушку великую.
Г. То возростили до полного до возрасту;
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,

выезд в Святую Русь

- Р. Избирал себе коня я богатырского
И поехал я на матушку святую Русь
Поискать себе-то роду-племени
И поотведати себе-то отца-матери".
Г. Избирал коня соби я богатырского,
Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца матушки,
Поотведать своего да роду племени.

Признание родства

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он скорешенько соскочит со белых грудей,
Берет его за ручушки за белые,
За него за перстни за злаченные,
Становил его да на резвы ноги,
Целовал его во уста в сахарные,
Называл-то братцем себе родным.

- Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын,
Ен скорешенько соскочит со белой груди,
То й берет его за ручушки за белые,
За него за перстни за злаченные,
То здымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодця да й на резвы ноги,
На резвы ноги да й супротив себя,
Целовал ёго в уста он во сахарнии,
Называл—то братцем соби родным.

Отъезд домой

- Р. Оны сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу чисту полю,
Ко славному ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
По той улицы по Рогатицы
И к тому подворью богатырскому.
- Г. Ены сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицы Рогатицы,
К тому славному к подворью богатырскому;

*Приезд домой:
сходили с коней*

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Приехал он на свой на широк двор,
И он скорешенько соскочит со добра коня
- Г. Приезжали—то оны да й на широкой двор,
Как сходили молодцы они с добрых коней,

Петрой быстро сбежал

- Р. И бежит в свою палату белокаменну.
- Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын
Он бежал скоро в полату белокаменну;

Лука похаживает по двору

- Р. Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Как он соскочит со добра коня,
Стал он по двору похаживать,
Стал добра коня поваживать.

- Г. Молодой Лука Петрович королевской сын
А й стал по двору Лука похаживать,
За собою стал добра коня поваживать.

приход Петроя Петровича к матери

- Р. Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Пришел в свою палату белокаменну
Ко своей к родителю ко матушке,
Г. Молодой Петрой Петрович королевской сын
Ен скоренько шёл полатой белокаменной,
Проходил ён во столову свою горенку,

Обращение к матери и загадывание загадки

- Р. Сам—от говорит да таковы слова:
"Свет ты государыня рódная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна!
Был—то я в раздольице чистом поле,
Наехал в чистом поле татарина,
Кормил—то его ествушкой сахарнею,
Поил его питьецем медвяным".
Г. Ко своей ко рódной пришел матушке:
— Ай ты свет моя да й родна матушка!
Как—то был я во роздольице в чистом поли,
Да й наехал я в чистом поли татарина,
А кормил я ёго ествушкой сахарною,
Да й поил я ёго питьецем медвяным.

Ответ матери:

величание

- Р. Говорит ему родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна,
Сама слезно заплакала:
"Свет ты мое чадо милое,
Молодой Петрой Петрович, королевский сын!
Г. Говорит ему тут родна матушка:
— Ай же свет моё чадо́ любимое,
Молодой Петрой Петрович королевской сын!

недоумение матери

- Р. Как был ты во раздольице чистом поле
Да наехал во чистом поле татарина,
Ты б не ествушкой кормил его сахарнею
И не питьицем поил его медвяным,
Бил бы его палицей булатнею
Да колол бы его копьём вострым.
- Г. Как наехал ты в чистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьицем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы ёго палицей булатною,
Да й колол бы ты ёго да копьём вострым.

рассказ о старшем брате

- Р. Этые татаровья поганые
Увезли братца у тя родного маленьким
робеночком,
Молода Луку Петровича".
- Г. Увезли у то́бя братца они родного,
Увезли—то ёны малым робёночком,
Увезли его татары—ты поганьи!

Разъяснение загаданного вопроса

- Р. Говорил Петрой Петрович таковы слова:
"Свет ты моя родная матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А наехал братца собе родного,
Молода Луку Петровича".
- Г. Говорил Петрой Петрович таковы слова:
— Ай ты свет моя да родна матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А й наехал братца соби родного,
Молодца Луку да я Петровича.

Встреча старшего сына с матерью

- Р. Молодой Лука Петрович, королевский сын,
Он по двору похаживает,
Добра коня поваживает
И нейдет в палаты белокаменны.

Тут честна вдова Настасья Васильевна
Скорешенько бежала на широк двор,
Брала его за ручки за белые,
За него за перстни за злаченные,
Целовала во уста его сахарные,
Называла она сыном себе родным
И вела в палаты белокаменны;
Кормила-то их ествушкой сахарнею,
Поила-то их питьищем медвяным.

- Г. А й Лука Петрович по двору похаживат,
За собой добра коня поваживат.
То честна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорешенько бежала на широкой двор,
Да й в одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Приходила к своему да к сыну родному,
К молоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за беленьки,
За него-то перстни за злаченные,
Целовала во уста его сахарнии,
Называла-то соби да сыном родным;
Да й вела его в полату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовы,
Их кормила ествушкой сахарною,
Да й поила-то их питьищем медвяным.

Финальная формула завершения сюжета

- Р. Тут оны стали жить да быть,
Долго здравствовать.
Г. Они стали жить быть, век коротати.

Оглавление

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1</i>	
Поэтика сюжета в современных исследованиях	37
<i>Глава 2</i>	
Поэтика сюжета и проблема эпической памяти у Т. Г. Рябина	51
<i>Глава 3</i>	
Поэтика сюжета былины "Добрыня и змей"	86
<i>Глава 4</i>	
Поэтика сюжета былины "Вольга и Микула"	107
<i>Глава 5</i>	
Поэтика сюжета былины "Королевици из Крякова"	122
<i>Заключение</i>	143
<i>Библиография</i>	146
<i>Приложение</i>	
Былевой репертуар династии Рябиных-Андреевых	154
Анализ сюжета былины "Вольга и Микула" по мотивам	158
Анализ сюжета былины "Королевици из Крякова" по мотивам	170